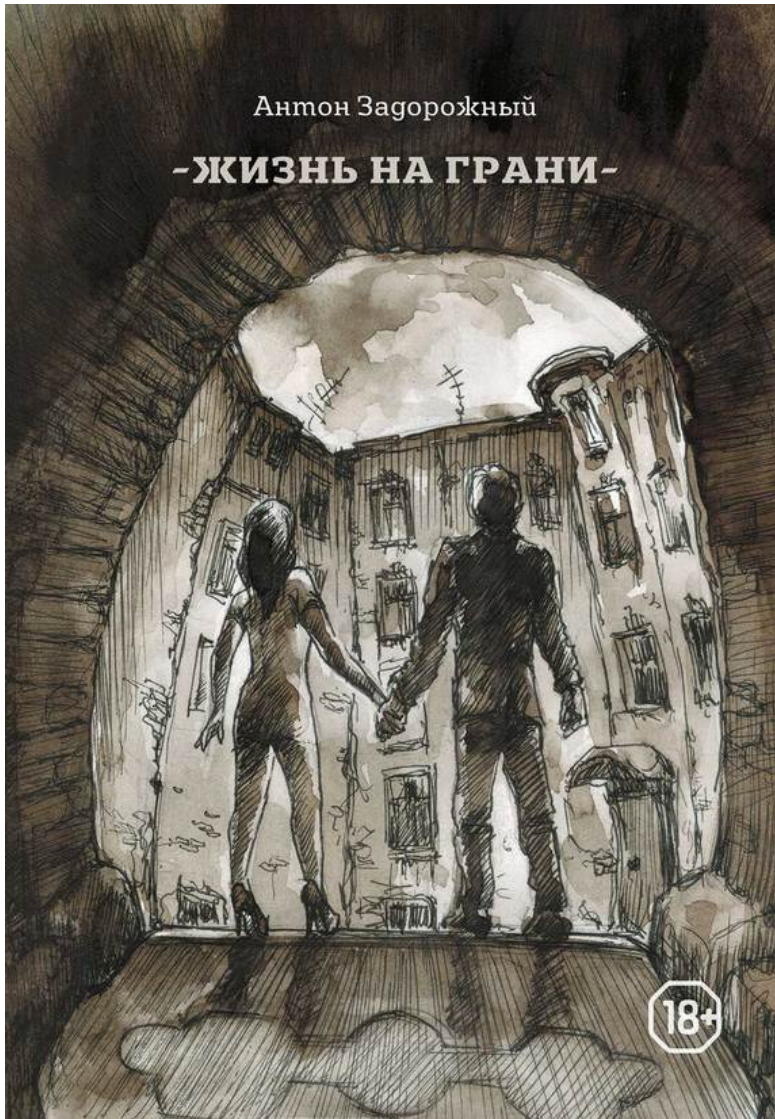

Антон Загорожный

-ЖИЗНЬ НА ГРАНИ-

Антон Сергеевич Задорожный

Жизнь на грани

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24721051

Жизнь на грани. / Задорожный А.: Скифия; Санкт-Петербург; 2017

Аннотация

Повести и рассказы молодого петербургского писателя Антона Задорожного, вошедшие в эту книгу, раскрывают современное состояние готической прозы в авторском понимании этого жанра. Произведения написаны в период с 2011 по 2014 год на стыке психологического реализма, мистики и постмодерна и затрагивают социально заостренные темы.

Содержание

От автора	4
История, рассказанная человеком средних лет	8
Жизнь на грани	38
Глава 1	38
Глава 2	46
Глава 3	61
Глава 4	73
Глава 5	85
Глава 6	100
Глава 7	118
Глава 8	132
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Антон Задорожный

Жизнь на грани

От автора

Началось все с того, что в детстве родители привили мне интерес к чтению. Мальчишкой я прочитал «Сияние» Стивена Кинга, и это – без преувеличения – перевернуло мою

жизнь, побудив заниматься литературным творчеством. В итоге я там, где я есть сейчас. Не знаю, где окажусь завтра, но хочу сказать спасибо моему хорошему другу и редактору Илье Попенову, работающему со мной все эти годы, и научному руководителю Виктору Михайловичу Сорокину. Именно эти два человека настаивали на том, чтобы я прекратил писать в стол. И вот перед вами сборник современной литературной готики, в авторском ее понимании. Я имею в виду смесь психологического реализма и мистики, слегка приправленную постмодернизмом.

Вообще, готическая проза – известное явление в мировой литературе, зародившееся в XVIII веке (пожалуй, с «Мельмота Скитальца» Чарльза Метьюрина). Можно сказать, что готическая проза стала основой для литературы сверхъестественного ужаса, хорошо знакомой многим по произведениям Стивена Кинга, Говарда Лавкрафта и других мастеров жанра.

Будучи крайне популярной не только в Англии и Франции (упомяну «Поворот винта» Генри Джеймса, рассказы Амелии Эдвардс или «Эликсир долголетия» Оноре де Бальзака), она имела успех и у нас, по преимуществу в царской России, возбуждая умы именитых писателей той поры. Было бы неправильно умолчать о таких бриллиантах, как «Блаженство безумия» Н.А. Полевого и «Штосс» М.Ю. Лермонтова. Мне легко вспоминаются «Вий», «Нос» и «Шинель» Н.В. Гоголя, «Пиковая дама» А.С. Пушкина. С удивлением на-

шел у И.С. Тургенева готические произведения («Призраки», «Песнь торжествующей любви», «Рассказ отца Алексея»). Уверен, каждый из вас может продолжить этот список.

Все три рассказа и три повести, составляющие мою дебютную книгу, занимают особенное место в сердце. Они были написаны с 2011 по 2014 год. В работе над книгой помогли и личный опыт, и профессиональные психологические знания в сочетании с жизнелюбием. Я не всегда знаю, чем закончится история и куда придет ее герой на последней странице. Но знаю, что прекрасные иллюстрации Дениса Араева привнесли иное, визуальное измерение в каждую из них. Считаю себя литератором, а не нахожу слов, чтобы выразить всю благодарность художнику. Равно как и тем, кто меня любит и поддерживает все эти годы.

«Историю, рассказанную человеком средних лет» меня побудила написать потеря близкого друга, ушедшего из жизни в 2009 году (если вы любите английские ghost stories, то заметите, что все исполнено по канонам жанра). С последующими своими творениями я начал искать собственный стиль, экспериментируя с композицией и не стесняясь выносить к обсуждению злободневные темы. В их числе проблемы взаимоотношений в семье (повести «Измена» и «Ответ», касающиеся запретной любви), дискриминации социально незащищенных слоев населения («Жизнь на грани»), влияния СМИ на массовое сознание и последствий употребления наркотиков молодыми людьми (рассказ «Карикатура»).

За десять лет творческой деятельности я пришел к выводу, что автор занимается творчеством, когда не представляет без него своей жизни. А оно, на мой взгляд, — диалог человека с человеком посредством произведений искусства. На этом заканчиваю предисловие, и потом мы посмотрим, как написанное отзовется в ваших душах.

История, рассказанная человеком средних лет

1

Что касается жизни в интернате (если и начинать эту историю, то именно с рассказа о ней), она... достаточно своеобразна. Не знаю, учились ли вы в таких местах, но на мою долю выпало жить в таком, какой лучше всего сравнивать с тюрьмой. Почему?

Во-первых, за тобой наблюдают. Контроль воспитателей, большинство из которых пожилых лет и не имеют педагогического образования, что оправдывает их схожесть с тюремными надзирателями. Контроль медсестер (которым больше негде работать, видимо) местного изолятора (в шутку мы прозвали это место «карцером»), в который мы попадали с высокой температурой и лечили себя преимущественно силой духа. Контроль нянечек, которые дежурили по ночам, чтобы в спальнях была тишина (а на этаже видимость порядка). Внешне несвободны мы были точно. Чтобы выйти за территорию школы, приходилось отпрашиваться у воспитателей. Но, разумеется, уходили и без спроса.

Во-вторых, наличие распорядка дня, что обычно для

школ такого уклада. Необычно то, что любое событие – будь то обед, перемены или подъем, – отмеченное в распорядке дня, сопровождалось громким звоном звонков, расположенных по всей школе, уж простите за тавтологию. Собственно, в этом и состояли обязанности вахтера – следить за порядком на первом этаже, давать вовремя нужные звонки, делать, даже когда не следует, ненужные (не помогающие) замечания непослушным детям, выдавать сотрудникам ключи от кабинетов и прочих помещений и «сидеть на телефоне». «Сидеть на телефоне», впрочем, отнюдь не означало табу на использование его в своих целях.

К слову, о вахтерах. Самому молодому из них, мужчине, было слегка за тридцать, а остальные, женщины, чем старше, тем неадекватнее. Что логично. Одна из таких бабушек, как говорили о ней те, кто жил с ней по соседству и опять же работал в этом богобоязненном месте, несмотря на свой преклонный возраст, имела нескольких любовников, причем большинство из них она свела в могилу. Я сказал «большинство», интересно, а сколько их у нее тогда вообще было? Правда это или нет, но говорили, что она – Дон Жуан в женском обличье (сравнили так сравнили!), и один из ее мужиков повесился, другой – утопился, а что самое пикантное – от третьего она в халате из Нового Петергофа в Старый Петергоф пешком босиком ушла. Босиком, в халате, в начале января. «Credo quia absurdum est»¹, – сказал бы на это Тер-

¹ Верую, ибо абсурдно (лат.) (здесь и далее примеч. авт.).

туллиан². И, вне зависимости от того, поверите вы мне на слово или нет, был бы прав.

Да, и пока помню. Сама школа располагалась в П-образном трехэтажном здании из белого кирпича. Три крыльца. Парадные окна центральной части дома выходили на маленькое футбольное поле. Вокруг этого поля была дорожка, по ней мы начинали бег вокруг школы на уроках физкультуры. Ограждение, правда, без колючей проволоки, – говорящий позволил себе улыбнуться, – а за ней парк, к которому мы еще вернемся, железнодорожная станция и шоссе, ведущее в город.

В-третьих, школа напоминала тюрьму еще и тем, что еда казалась что в интернате, что «за решеткой» примерно одинаковой. Мы так подозревали (кто «мы»? мы – это «мое окружение + я»). Потому что, может, кому-то и нравилось, как его кормили, но не мне. Но есть было можно. А кормили всем чем ни попадя – на утро обязательно каша (за исключением воскресенья – тогда по оригинальной традиции нам готовили омлет), булка с маслом и какао; на второй завтрак – бутерброд с сыром или колбасой или творог со сметаной и чай; на обед – суп на первое и что-нибудь на второе; а ужин был апофеозом всего дня. Вот приходишь ты с «прогулки по распорядку дня» в столовую, а там... в худшем случае тебя ждут селедка и винегрет или резиновые оладьи, а в лучшем

² Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан – выдающийся раннехристианский писатель и богослов, живший во II–III вв. и. э.

– макароны с сыром или гречка с сосисками. Ну, не мне вам объяснять.

Вы можете посчитать, что все эти подробности лишние и несущественные для той истории, которую собрались от меня услышать, но уверяю вас – они необходимы. Так или иначе, постараюсь закругляться с описаниями и перейти к делу.

Хотя, когда вспоминаю все, о чем говорю в этой комнате вам спустя все это время, – до сих пор мурашки по коже, и еще понимаю, что все бы отдал порой за то, чтобы никогда не вспоминать тот абсурд, в котором я оказался. Потому что время ничего не меняет. Это меняемся мы, становясь старше, стареем, думая, что что-то значим для других.

Сидящие в комнате люди переглянулись, кто-то занервничал, начав ерзать на стуле. «Интересно, вот рассказываю я им это, вижу их наверняка в последний раз, они это все понимают, но придают ли этому значение? Или воспримут мою историю как простую байку и продолжат жить как раньше?» – думал рассказчик, прервавшись.

– Все... нормально. Мы слушаем. Я, по крайней мере, точно, – сказал невысокий парень лет двадцати пяти. Выглядел он слегка уставшим, но это была скорей мистическая усталость, – его загорелое лицо (загар его старил), светлые волосы и внимательный грустный взгляд наметнули бы вам на

это.

Иногда намеки – это все, что у нас есть. И иногда их уже достаточно, чтобы понять правду. Остальные едва заметно кивали головами – либо они были заинтересованы, либо просто стеснялись уйти отсюда.

И тут, как раз вовремя, один мужчина лет сорока из присутствующих в комнате неуклюже зевнул, встал со своего места, сказав что-то вроде: «Под Амелию Эдвардс³ косишь, с ее рождественскими историями? О-очень по-южному! Скука тут у вас, лучше спать пойду» – и был таков.

Куда этот гражданин отправился, непонятно, учитывая, что за окном шел проливной дождь (и заканчиваться, видимо, не собирался), но из комнаты отдыха его как ветром сдуло. Может, и правда – вернулся в свой номер да спать лег.

Женщина пенсионного возраста слегка усмехнулась, но слушать историю осталась. Как и остальные – парень и еще две девушки, его ровесницы.

С этими двумя все было ясно – им бы только нервы пощекотать. Но реплика парня сыграла свою роль, и человек, сидящий за столом возле окна, но так, чтобы всех было видно, продолжил:

– Все эти сравнения с тюрьмой я сделал лишь для того, чтобы вы понимали всю ту атмосферу, в которой я находился. В которой мы находились... Все, кто там был. Но не все ее

³ Амелия Эдвардс (1831–1892) – английская писательница, работавшая в основном в русле английского рассказа о привидениях и готической прозы.

чувствовали. Ужасно чувствовать все это, но, с другой стороны, не чувствовать еще хуже. Это как идти к пропасти, не зная, что ты слепой. Так можно думать, что пропасти-то и нет. А самое страшное – это усомниться в том, что все это было на самом деле. Ведь прошло уже после всех этих событий больше двадцати лет. Насчет столовой, прибавьте к неординарной пище то, что нужно дежурить, накрывая на столы, а раз в месяц ее всем классом подметать. Прибавьте к этому, что в качестве наказания – за двойку или плохое поведение – мы мыли там полы, и поймете, каково нам жилось. – Он на пару мгновений замолчал, собираясь с мыслями. В голове крутилось слово «метафизика». – Все знают, что такое метафизика? – спросил он у собравшихся.

– Ну да... Это философское, – сказала одна из девушек. – То, что над физикой, как бы не ограничивается ею.

– Да, именно. Молодец. Из того, что я сейчас рассказал о школе, где все это произошло, метафизического ничего и нет. Вроде. Атмосфера мне не нравится, ну и что дальше? А дальше ни одного слова впустую. Только не перебивайте. Сказки – и те рассказывать бывает не просто, а такое так вообще...

Все согласились, и вот тут-то и началась его настоящая история.

Артур при своей кажущейся немногословности всегда был очень общительным. Мы любили с ним сидеть напротив вахты и говорить о том о сем: то о девочках, то об обстановке в школе, почти никогда о политике – только если смотрели вместе телевизор, – ну и обо всем остальном. Разумеется, когда он был свободен от работы. Мой друг жил в Кингисеппе, а работал компьютерщиком в школе. Кингисепп далеко от Петербурга, и потому ему, как хорошему сотруднику, предоставили комнату на втором этаже интерната, в спальном блоке мальчиков. А раньше, до работы в школе, он тут еще и учился.

– Раньше здесь было многое по-другому, – сказал он мне однажды, когда время уже шло к отбою, в одной из первых наших с ним бесед. Помню, что это зимой было. В тот раз мы встретились совершенно случайно, возле изолятора, и сели поболтать на лавку. Так, чтобы видеть черную лестницу, просматривать коридор столовой. В общем, чтобы обзор был. – У нас был коллектив. А у вас сейчас – одно название. Все иначе. Индивидуальностей по школе человек двадцать, которые и вправду способны на что-то хорошее. И на дружбу.

Я понимающе кивнул:

– Как Вася и Миша?

– Ну если говорить о дружбе, то да. Они считаются. Всегда думают друг о друге. Не то чтобы педики...

Мы засмеялись.

– Хотя кто знает? – продолжил шутку я.

И мы снова серьезные. Как Фрай и Лори в том старом шоу, в котором они еще шпионов играли.

– А насчет Николаевича... Понимаешь, я сейчас учусь жить двойной жизнью. Для начальства я один, а на самом деле я другой. Очень полезно. И это дает тебе преимущество.

Этот трюк был для меня не нов, но я уважал начинающее крепнуть доверие Артура ко мне и не стал говорить, что эта тема мне уже знакома. Я только добавил в знак согласия:

– Время...

– Да, и время. Что делает Николаевич в школе, я уже начинаю потихоньку понимать. И здорово, что он не догадывается об этом.

Николаевич был у нас в школе завучем и параллельно учителем информатики. Как человек он был неплохой, но со своими странностями. Так что говорили о нем всякое. Вот и у меня были свои догадки о его персоне. Я, честно сказать, не знаю, чем мы все будем заниматься после того, как закончится сей рассказ, но запомните, пожалуйста, одно навсегда: правда начинается с сомнения. Думаю, когда-то человека обманули. Впервые. Он засомневался и с тех пор ищет правду. Что-то я опять ухожу в сторону. Так вот. В Николаевиче я сомневался. Я всегда доверял своей интуиции, а ей казалось,

что он не был искренним. И после этого я в нем засомневался. Ну и из-за своего любопытства я хотел докопаться до истины. Загадку разгадать удалось. Если правда то, что я услышал от одной молодой учительницы (а может, вся та история – вымысел ее скверного характера?), то он периодически домогался новых сотрудниц школы. И ее тоже. В любом случае это банальщина и не мое дело.

Поэтому тем вечером Артуру я ничего об этом не сказал. Да мы и так, чтобы вы знали, понимали друг друга все лучше и лучше. Что-то нас спланивало. А что – не могу понять до сих пор.

– А что он, по-твоему, делает? – спросил я своего друга, слишком резко, как тогда показалось. Бывают такие вопросы, которые кажутся бессмысленными, но задать их надо, чтобы разговор продолжился.

– Потом, – отмахнулся он от меня, – может, сам все узнаешь. Всему свое время. Не просто так об этом говорится...

– Ладно, как скажешь, – ответил я ему.

– Единственное, о чем я начал жалеть, так это о том, что Черникова научил как надо разговаривать с Ниной Олеговной, чтобы при любом раскладе получить желаемое.

Черников – местный мажор, сирота, выпускавшийся в тот год из школы. А Нина Олеговна – это директор того интерната. И когда я туда попал, она там уже работала. Кстати сказать, кое-кто из ребят говорил, что до нее директором был другой человек. И мужчина. По тому, что мне удалось о нем

узнать, создавалось впечатление, что его любили и дети, и работники образовательного учреждения.

– А... Это из-за того, что он может теперь намеренно или нет понаставлять тебе палки в колеса?

– Типа того. Я всегда говорю, что «настоящее образование – это самообразование». Но и о воспитании забывать не надо. Мы же в школе. А Черников может об этом позабыть. Хотя, если что, ситуацию я, конечно, выправлю.

– Да, Толик, он проблемный, тут и к бабке ходить не надо... – сказал я и посмотрел на часы. Было без десяти десять.

– Щас тебе попадет, – понимающе, но не одобрительно сказал мне Артур.

– Да. А вообще странно, что меня уже не ищут. Обычно Маринка более мобильна. – Мы встали с лавки. Маринкой мы называли Марину Александровну. Как воспитательница она была просто цербер. Ну и ума не особо далекого, вы уж простите, что даю ей оценку.

– Ясно. Пойду я тогда к Нине Олеговне в кабинет. Надо ее компьютер перебрать. Пока, Алексей. Рад, что тебе не страшно со мной общаться. – Он улыбнулся, и мы пожали друг другу руки.

– А чего страшного? С тобой интересно. Пока, Артур, – ответил я, и мы разошлись в разные стороны.

Тем вечером мне так и не попало. Удачно отмазался тем, что якобы сперва ждал медсестру в изоляторе, а потом полоскал горло.

Дни в школе шли своим унылым чередом: уроки, перепалки со сверстниками, прогулки, выпивон. Понедельник-вторник, подъем-отбой. Словом, вроде ничего нового. Иногда, конечно, происходили истории из ряда вон: типа той, когда Маринина зарядила ночной няне в глаз с кулака, а за что, уже и не помню. Да это и не важно. Важно то, что среди одноклассников первое время мне было тошно, и поэтому я общался с ребятами постарше. И мозгов у них было побольше. Но время идет, и вот они все повыпускались. Характер мой закалился, я поумнел (лучше бы наоборот) и стал общаться с одноклассниками, и все бы ничего, да только скучно. И если бы не наша с Артуром дружба, тогда бы точно вся эта рутинная школьная жизнь меня поглотила...

Как можно понять, в школе Артур находился на особом положении и был наделен некоторой властью. Властью, которая отчасти обязывала его быть лояльным школе даже тогда, когда это было лишним. Поэтому как друг я был ему очень кстати. Весь этот коллектив предсказуемых воспитателей, «коллег», работающих друг против друга... Окружение, из которого ему было не вырваться. Это мешало ему жить. И обо всем (хотя не обо всем, конечно) он мог мне рассказать. Исходя из этого мы делали свои выводы, и нам обоим становилось легче.

Но разве он не мог уволиться?

На этом надо остановиться чуть подробнее. Артур, как

человек, который практически являлся Атаманом кабинета информатики и был примерно наших с вами лет (ему было тридцать), находился в центре внимания ребят. То есть одинок он не был. По выходным с ребятами из школы он нередко катался в кино или по магазинам или ездил к себе домой. Там, как я потом узнал, у него жила мама. И две кошки: Муся и Дуся.

С людьми он легко находил общий язык, кому-то помогал, кому-то нет. «Я доверяю людям», – говорил он. А еще у него были принципы. Он был очень обязательным, честным перед собой человеком, который интересовался новинками кинематографа и еще... любил думать.

Прежде чем уволиться, надо бы сначала найти новую работу и желательно не хуже этой. Артур это понимал.

«С его тремя высшими образованиями ему-то не найти?» – думал я.

– Ну и как поиски? – спросил я его однажды в кабинете информатики.

– Ничего хорошего, – ответил он уверенно-спокойным голосом Крутого Уокера.

– А почему? Нет интересных вакансий?

– Требования высокие... – Требования, как потом оказалось, были слишком высоки... Поэтому очень хорошо, что не все мы видим будущее. Иначе какой интерес жить?

С другой стороны, какой бы школа ни была – работалось Артуру тут не так уж плохо: оператор и инженер ПК, плюс

раз в неделю дежурства на этаже и подъем, плюс «урок-замена» в случае необходимости.

– А правда, что Костя сказал типа ты увольняться собираешься?

– Уходить думаю, как ты помнишь, не в первый раз... Здоровье немножко подправлю, летом в Египет слетаю, а там видно будет.

– Круто! – обрадовался я за него. – Но ты смотри, я же в этом году выпускаюсь, а еще в октябре у «Paradise Lost»⁴ новый альбом выходит, так что я буду рад с тобой встретиться.

– Где?

– Хоть где: в Питере, или к тебе туда приеду.

– М-м-м. В августе я буду работать на вахте плюс ко всему, приезжай, конечно! Там разберемся...

На том и порешили... Но решить можно все что угодно, а происходит не обязательно так, как нам хочется. И всегда что-то одно.

⁴ *Paradise Lost* (с англ. – «Потерянный рай») – метал-группа из Великобритании, основанная в 1988 году. Общеизвестной является точка зрения критиков, согласно которой музыканты являются зачинателями стиля «Gothic Metal», под которым понимается мелодичный «дум-дэт» с вкраплениями клавишных и женских вокальных партий. Всерьез повлияли на музыкальное становление таких групп, как Katatonia и Anathema (равно как и на творчество ранних The Gathering). Имеется в виду альбом 2009 года.

Алексей, словно очнувшись, посмотрел на людей вокруг себя, убедился, что его слушают, и продолжил, выдержав паузу:

– Нет смысла грузить вас лишними событиями, поэтому сразу представьте, что наступила весна. И тут начало происходить то самое, из-за чего весь мой треп становится необычным: в парке неподалеку от школы убивают школьную инструкторшу ЛФК. Как нам было сказано – банальная кража денег. Спустя пару недель по дороге на станцию попадает под машину наша математичка, но не насмерть, а выживает.

Потом Гриша, нормальный здоровый мальчишка, хулиганистый слегка – вешается в этом самом парке на березине. Вот что видел, то видел – сам смотрел, как его снимали... В кармане нашли записку. Точного содержания не знаю, но смысл такой: «ухожу из жизни, ибо этот мудака физрук меня изнасиловал». Какие у меня этому доказательства? Да никаких. Но что произошло – то произошло. Впрочем, общий слух о написанном подтверждает то, что физрука уволили на следующий же день. На него бы точно не подумал... Уж не знаю, что потом с ним стало... Я ведь не зря начал с разговора о гнетущей школьной атмосфере. Понимаете, она... как живая, что ли.

Случайность это или нет, или в парке дело, но сам по се-

бе он меня пугал с самого начала. Все эти деревья, коряги и тропинки... Неуютно мне там было. А с другой стороны – в Питер нужно, в школе сидеть сил нет, да и выпускной скоро – вот и ходил парком. Иногда и вдоль шоссе, но скоро понял, что одно и то же чувство страха со мной как тень, где бы я ни шел. И да, это не мания преследования – в городе, в гостях у друзей или дома меня отпускало, будто и не было ничего. – Он говорил все быстрее и быстрее, постепенно теряя спокойствие:

– А в январе до всех этих событий я лежал в больнице со сломанной ногой. Катался в инвалидной коляске, общался с ребятами, весело проводил время. Узнавал новое, начал писать стихи. Созванивался с Артуром, познакомился с девушкой, с которой достаточно тесно потом общался и всякое такое. Что вам нужно знать, так это то, что однажды ночью (когда я еще лежал в больнице) мне приснился сон. Настолько яркий, четкий, необычный и реальный, что я не мог его забыть, проснувшись. Даже если бы захотел. Сон был такой: я вижу вахту, стенд с надписью: «ЭТО АКТУАЛЬНО» с информационными листками и всякой фигней. И тут замечаю, что к нему прикреплена какая-то фотография Артура, причем явно распечатанная на принтере. Удивляюсь, что бы это значило, но ответа не нахожу. Потом какие-то еловые ветки, и тут вижу незнакомое мне место. По памяти: вроде лето, светло, несколько автобусов. Дорога, и угол незнакомого мне дома. По высоте здания понимаю, что этажей шесть или

восемь. Много людей, и их все больше и больше. Какой-то ящик. Все это я вижу издалека. На этом сон заканчивается, и я просыпаюсь.

Пару дней ломал голову – неужели мне снилось, что Артур умер? Потом оставил это сновидение в покое. Он же жив. Не буду ему об этом говорить. Пришло время возвращаться после выписки из больницы. Далее вынужденное расставание с девушкой, родной город которой не Питер, а Кисловодск, и затем – мое возвращение в интернат. Все очень закономерно, поверьте на слово. В каждом событии есть смысл, даже если мы его не видим.

С Артуром общаться мы продолжили как ни в чем ни бывало, пару раз ночью играли с ним и с мальчишками в «Warcraft III», заказывали себе пиццу и неплохо проводили время. Параллельно я сознательно стал с ним говорить о религии – интерес к разговору был искренним, как всегда, но мне хотелось как-то приобщить его к вере, духовно его развить, что ли. Переживал я о нем. Так или иначе – мне это удалось. К тому же, начиная с февраля к нам в школу приходил проповедовать батюшка. Алексей его звали, как меня. Я посещал его проповеди каждый раз, и Артуру, конечно, становилось все интереснее и интереснее – «а что если реально ТАМ что-то есть и не всегда надо руководствоваться логикой?» У него появились вопросы, ну и в итоге пару таких мероприятий мы посетили вместе.

К этому моменту произошли уже известные вам весенние

происшествия. И где-то в это время Артур внезапно лег в больницу. В Питере, подлечиться. Он и раньше так делал, но в этот раз на фоне всей этой «чумы» мне показалось, что больше я его никогда не увижу...

Вместе с этим весной произошло еще кое-что.

На этот раз хорошее. Ведь не бывает так, чтобы все было плохо, верно?

Школой был нанят плиточник, потому что понадобился ремонт кабинета кулинарии. Прежнюю мебель и прочие предметы вынесли, и парень лет двадцати пяти прекрасно делал свою работу на данном ему объекте. Мы с ним сдружились. Стали общаться так же хорошо, как с Артуром, но за меньший период времени. Ну, не суть.

Звали его Олег. На время работы он проживал за задним двором школы, там, где находились гаражи. В одноэтажке, больше похожей на казарму. В соседней такой же обитал местный сапожник, звали его Юра. А за всеми этими гаражами и казармами находился районный Психоневрологический интернат. Предугадывая ваши возможные вопросы, скажу сразу: нет, там я не лежал.

Так вот. Сам Олежка был родом из России, брат его служил моряком в Мурманске. Брат в России так и остался, а Олег переехал жить на Украину. А через какое-то время отправился в мой родной Питер на заработки:

– Да ну, Леха, это не жизнь! Заколебало! С моим-то опы-

том и качеством работы я получаю мизер! Меня друзья в Чехию к себе зовут жить, в Украине я получал бы сейчас за каждый квадратный метр больше, чем у этого Вовы. Надо бросать на него работать. Это раньше он платил достойно. А щас – хоть вой, – говорил он мне. Слава богу, через пару лет после всех этих событий он уехал к себе домой. С тех пор больше мы не виделись. А жалко, конечно. Мы с вами сейчас сидим в этой Одессе, дождь не перестает, а он живет в Каховке. Жил, по крайней мере. Таких людей я давно не встречал. Он был очень позитивным, исполнительным, веселым и добрым.

Кстати, я успел познакомить Артура с Олегом...

С этим рабочим у нас немало веселого происходило! В него там одна девочка влюбилась, но это все неважно. Сперва я просто ему помогал чем мог, потом уже начал ходить к нему в гости – по утрам, раньше подъема и по вечерам – в казарму. Сидели выпивали или просто чай пили да общались. Дело развернулось так, что в шкафу того сарая, где он жил, мы нашли мешок с металлом, разбирали его с парой ребят в течение месяца и сдали в итоге в приемный пункт. На вырученные деньги посидели на 8 Мая... Помню, я тогда водку впервые пил, поэтому с пивом мешанул, а потом в березках на заднем дворе долго валялся. Смешно было! Пока пьяный был. Происходящее на трезвую голову таким мне не казалось. И Олегу, как я понял потом, тоже.

Немного о том, как мы к такому пришли.

Пристанище Олега изнутри ничего изысканного из себя не представляло: две кровати, горячие водопроводные трубы, туалет, раковина, шкаф, какой-то мусор, пара стульев, стол и географическая карта. Нас это всегда забавило – видимо, вещам не все равно, где находиться. По обыкновению, после обеда в школе был «тихий час». Понятно, что чем старше мы становились, тем менее хотелось спать, поэтому отмазывались от него как угодно. Или просто занимались своими делами. Я или книжку читал, или уроки делал. Но когда мы обнаружили в том шкафу мешок с этим металлом, повод, который устраивал и воспитателей, и меня, нашелся сам собой.

Для меня были важны не сами эти деньги, которые мы в итоге получили за свой труд, а общество Олега. Вместе с нами в этом деле присутствовало еще два паренька – Саша и Тема. Тема оказался хитрым гопником и однажды разворотил дверь в комнату Олега, взяв у него без спроса ключи от казармы («Что он этим хотел сказать? Что он Рембо!?» – воскликнул мне на это О лежка, когда увидел, что с ней стало). Артема мы неплохо тогда отпинали, и больше он с нами не водился. А про Санька не скажу ни плохого, ни хорошего.

Металл разбирали все свободное время. Нам это действительно нравилось. К тому же успевали и выпить, и на объекте поработать, и уроки сделать. Словом, все было гармонично. Об Артуре я не забывал, и в один из тех вечеров позвонил ему, сидя в своей спальне.

Поговорили буквально минуты две. Я рассказал ему, что пишу стихи, которые все лучше и лучше, поинтересовался о его здоровье и сказал, что хочу на днях к нему приехать в гости. «Я не знаю, наверное, меня к тому моменту уже переведут», – сказал он. Так что мы договорились созвониться попозже. Напоследок он сказал мне, что я молодец и, цитирую: «параллельные миры – реально». Либо – побывал, либо – поверил в Бога. В любом случае я за него обрадовался, да и мне удалось совершить задуманное!

На следующий день все было спокойно. Первые два урока. На третьем, на уроке истории, нам сказали, что Артур умер. Во сне. Перед этим те люди, кто ему звонил, говорили, что ему все хуже, и вот такая вот логичная и неприятная концовка.

Помню, как я удивился. Сразу начал вспоминать сон. О чем еще думал, уже не скажу суверенностью, но точно – не об истории СССР...

Спустившись после истории на первый этаж, чтобы пойти в столовую на второй завтрак (не потому, что есть хотелось, а по привычке), я посмотрел на информационный стенд. Надо ли говорить, что то, что я увидел в так запомнившемся мне сне, *совпало в точности* с тем, что я увидел своими глазами. Кстати, к стене был приставлен маленький круглый деревянный стол, на котором лежал декоративный венок из еловых веток. Этого стола во сне я не видел, и поэтому наличие веток мне казалось странным.

Знаете, я думаю, что четыре вещи показывают истинное лицо любого человека – смерть друга и его к этому отношение, сильная пьянка, любовь и какая-нибудь кризисная и опасная для жизни ситуация. Вот эти четыре момента и показывают нам, с кем мы общаемся. Не скажу, что кому-то полегчало, когда Артура не стало, но некоторые не то чтобы очень расстроились.

Ну да ладно. Все остальные события складывались так, что на похороны своего друга попасть я никак не мог: был составлен список тех, кто на них побывает, и меня там не оказалось. Я недоумевал – ведь во сне я видел похороны – теперь ошибки быть не может. Сон воплощается в реальность. «Значит, это было Видение?» – спрашивал себя я.

Вечером того же дня ответ был найден. Мой одноклассник, Олег Щ., вечером сказал, что договорился с Николаевичем, чтобы я тоже поехал на похороны друга. Причем завуч сам обо мне вспомнил, узнав, что мы близко общались с умершим.

Когда пришло время, двинули на похороны. На школьных автобусах. В Кингисеппе нас ждали еще несколько – но это были одноклассники Артура и его родные. Кто-то ехал туда своим ходом, из морга.

Всю дорогу я смотрел за окно: чем ближе к месту назначения, тем трава зеленее и небо – безоблачнее. Со стороны все это выглядело довольно абсурдно. Когда выходили из автобуса, я увидел вторую часть Видения наяву. Сон полностью

сбылся.

Простившись с другом, мы отправились в его родную школу, в которой он отучился несколько классов, на поминки. Я познакомился с его одноклассниками и знакомыми. Общались, произносили речь... Пил, не обращая ни на кого внимания.

Вернулись в интернат к одиннадцати вечера. Впрочем, циферблат штука коварная. Никогда не верьте стрелкам на своих часах до конца.

Я помылся и пошел спать.

4

Знаете, я до сих пор не могу объяснить, как со мной произошло то, о чем я вам говорю, но после того дня не могу отвыкнуть от ощущения, что каждый раз, когда я просыпаюсь, я просыпаюсь не по-настоящему, а только от «сна во сне», как Ди Каприо в том фильме...⁵

Наутро я просыпаюсь оттого, что одна тетка... по правде старуха, воспитательница чужого класса... – мужчина на секунду умолк, взглянув на пожилую женщину, обратился к ней со словами: «Вы, наверное, считаете меня циником? Не хотел вас задеть» и продолжил. – Да мы все просыпались от ее воплей... Все крыло! Оттого что она орала раньше време-

⁵ Х/ф «Начало», 2010, реж. К. Нолан.

ни свое: «Мальчики, встаюм, подьём». Пять минут сна погоды не сделают, это ясно, но настроение было испорчено у всех нас на несколько часов минимум – это точно. В итоге мы ее материли, она злилась, и в следующий раз все повторялось. Все это как замкнутый круг. Вся моя история. Просто *это* поймите... – сказал он, сглатывая комок и справляясь со своими эмоциями.

Подруга той умницы, которая рассказала собравшимся о том, что такое метафизика, протянула говорящему стакан лимонада, он выпил и как ни в чем ни бывало продолжил рассказ:

– Нас в спальне было семеро пацанов, я уже толком и не помню. И вот мы все проснулись, а она в дверях стоит и что-то нам «втирает». В голове крутится ее тирада: «Я сиротам помогаю безвозмездно! Вашей Маше, например! А смысл мне это делать?» И был такой парень, Никин Дима. Так он ей и говорит: «Чем вы ей помогли? Таблетку от молочницы купили?» Мы все как давай хохотать. Ну в итоге сходили на так называемую зарядку, на второй этаж в физкультурный зал, которая обычно длилась минут десять. И польза от нее, честно, сомнительная. Потом умылись, пошли накрыли на стол. Самое обычное утро. Завтракаем... И тут я им говорю:

– А жалко все-таки, что Артур умер, правда?

А они:

– Ну да, жалко. А о ком ты вообще?

– Как о ком? Артурчик... На днях же умер. Чем вы шу-

тите, народ?! – вопрошал я, понимая, что со мной начинает происходить что-то странное. Голова кружилась точно.

– Ильин, ты сколько вчера выкурил?

Хохот. Я бью однокласснику в глаз, он рыпается на меня. В общем, нас разнимают. Оскорбления, как обычно. Успокоились.

Выходя из столовой, говорю:

– Пойдемте, посмотрим с вами. Фотку-то еще не убрали, – зову я их с собой к стенду, а подойдя к нему вижу, что ошибаюсь. На стенде не было и в помине никаких фотографий Артура. Ничего с ним связанного. Ни упоминаний о дате его смерти, ни слова сожаления о его утрате.

Может, я все это придумал? А единственное опасное сомнение – это сомнение в самом себе...

– Ну ты, Лех, точно идиот! – вынесли мне вердикт мои товарищи и пошли по своим делам. Я же этим не удовлетворился. Сердце билось как никогда раньше учащенно, в глазах потемнело, и тут меня стошнило. Прямо на вахте. Возле парадной лестницы. Доковылял кое-как до изолятора. Объяснил, что что-то не то съел, и неважно себя чувствую. Мне поверили и положили лечиться. Сказал бы правду – положили бы в другое место... Психбольница называется. Да и какая она – правда? Артур – такой реальный, как я сам, не существует? Что за чушь! Я не мог и близко подпустить мысль об этом. Что еще тогда было не правдой? Была ли у меня сломана нога? Существует ли Олег? Кто тогда настоя-

щий компьютерщик в школе? И вправду ли произошли все эти жестокости в парке и около него?

Эти вопросы меня страшно изводили. Напрямую спрашивать у одноклассников не мог. Поэтому я начал звонить другим своим друзьям, помладше классом. Для них я был кем-то вроде бога, они меня любили, и я был в них уверен. Саша был одним из таких. Сейчас его уже нет, к сожалению, в живых – умер от рака, но тогда он с удивлением и охотой ответил на все мои вопросы.

Да, мол, правдой было все, кроме Артура. Типа, за компьютерщика у нас Николаевич. И нога у меня, слава богу, срослась. И в парке все происходило на самом деле. Я, видимо, перенервничал после этого. «Тебе же скоро экзамены сдавать», – так он мне сказал. Сказал, чтоб я не грузился, и в итоге дал понять, что вечером меня навестит.

Навестил. Но это не относится к делу. «А если эпизоды из парка реальны, если у меня поломанная нога, тогда наоборот – Артур тем более реален! Ведь он ходил с нами в парк в то время. И когда я лежал в больнице, мы с ним созванивались», – думал я. «Или может, все это – один гигантский, невероятный сон? Все эти дни, беседы, то, что я познакомил Олежку с ним?»

Выйдя из изолятора, я направился к Олегу. Олег, – говорю, – так и так. Смеяться он бы не стал и в психушку сдавать меня тоже. Вот и рассказал ему все как есть. А он матюгнулся и говорит: «Леха, ну конечно я его ВИДЕЛ!» И как только

до нас с ним дошел смысл его слов, стало не по себе.

Оказалось, Артура он действительно видел и знал о нем и его похоронах все, что знаю я. И про то, что его похороны мне снились, и что этот сон сбылся. Сбылся, а Артур лежит в земле на одном из кладбищ своего родного города.

Обсудив произошедшее, мы подумали: значит, мы прогнозируем собственное поведение не только в обычной жизни, но и во снах такое предвосхищение тоже возможно. Время в них пластично, и когда мы спим, это заметно с особой отчетливостью.

Верное мы нашли объяснение или нам просто кажется?

Всю оставшуюся неделю я продолжал искать аргументы и контраргументы к обеим версиям происходящего. Быстро вымотался, зашел в тупик и признал поражение. Потом начались экзамены, вся эта суматоха... Выпускной... И где-то уже после экзаменов, но еще до выпускного меня осенило – а что если спросить еще у Николая с вахты? Он же нормальный вроде мужик. Да и компьютер когда покупал не так давно – с Артуром (если он, конечно, реален) консультировался насчет данного приобретения.

Дождавшись его смены, я отправился к нему и буквально выбил из него правду. Олежек был со мной, и вечером, когда мы были на вахте совсем одни, Коля просто произнес несколько фраз:

– Конечно, я его видел. Мне было сказано молчать, иначе я потеряю эту работу. А я идиот – нет чтоб сразу уволиться,

прикипел да остался. С призраками на вахте трепаться.

Затем он от нас отмахнулся. Мы не ушли, и он сказал, что Артура видит еще один человек – школьный главный врач. Весело, правда?

Прежде чем я завершу свою историю, дайте мне сказать вот что. Мне кажется, мы спасаемся от непонятного бегством, когда считаем, что хоть в чем-то можем быть уверены. Опираемся на науку, на факты, на здравый смысл. Прогнозы погоды, гороскопы, газеты, близкие люди. Но как я для себя понял – нельзя быть уверенным ни в чем. Даже в том, что мы здесь и сейчас сидим вместе с вами. Все, что у нас есть, – это мнения, вера и личный опыт. И мы можем только считать, что уверены в чем-то. И это будет самое правильное.

А сбывающиеся сны о будущем мне так и снятся до сих пор. К примеру, самое свежее из приснившегося мне заранее, – это тот мужик, который вышел из комнаты отдыха, сказав, что моя история – это рождественская сказочка для детишек... Если так, спасибо, что выслушали! – Алексей поднялся из-за стола, хлопнув себя по коленям.

– Постойте, ну а что было дальше? Что сказал главврач? К чему вы сами склоняетесь? – начала засыпать его вопросами пожилая дама.

– Ох... Ну если вам интересно... Артура я больше не видел. Думаю, все, что ему было нужно, – это дружба. Полагаю, когда он умер во второй раз, то как духовное существо

наконец освободился от своеобразного школьного рабства и перенесся в мир иной. По крайней мере, теперь я уверен, что за Гранью есть что-то еще.

– Так, а главврач? – спросил парень.

– Мы решили оставить с Олегом в покое все как есть. Но не получилось. Кулинарию он ремонтировал несколько месяцев, почти полгода. Работал на совесть и, если бы не моя помощь, в одиночку. То есть я уже выпустился, а потом приехал к нему в школу, и как-то все само собой обнаружилось. А именно: мы знали, что нужный нам доктор являлся супругом директрисы школы. Ну и однажды он зашел посмотреть, как идут у Олега дела с ремонтом... а тут появляюсь я. Каким-то местом Олег понимает меня и говорит нашему Айболиту: «Валерий Михайлович, а пойдете-ка выпьем втроем?» Ну и он не отказался, и в итоге мы заперлись до вечера в той самой кирпичной каморке и так его напоили, что он не мог нам не ответить на все наши неудобные вопросы.

– И в чем же разгадка? – спросили в голос две девушки.

– В том, что когда главврач пришел сюда на работу. То есть не сюда, а в интернат, извините. Когда он туда пришел, его будущей супруги там еще не было. Они и в глаза-то друг друга не видели. Но потом в школе появился новый мальчик... Угадайте кто? Тот самый Артур, верно! Мальчик рос, рос. И вот когда он пошел в восьмой класс, директором школы стала Нина Олеговна. Прямо с первого сентября. А второго числа Артур, поднимаясь по лестнице после баскетбола

к себе в спальню – помыться да переодеться, наверное, хотел, – споткнулся (или ему плохо стало). В общем, нырнул он с лестницы, да через перила... Так что насмерть и разбился...

Дело замяли... Нина Олеговна хорошо общалась с мамой Артура. О плохом, как видно, решили не вспоминать. Значит, хоть все произошло вроде как случайно, сдается мне, совесть им спать мешала. Боялись репутацию учреждения запятнать... Ладно, это уже все – мои никчемные рассуждения... Не будем портить общее впечатление, может, лучше начнем расходиться? – предложил Леша слушателям, помедлил и сказал напоследок:

– С годами я все больше проникаюсь теми словами из Библии, что все, что мы знаем о нашем или *том*, другом мире, видится не иначе как через... через мутное стекло. Стеклашку индивидуального восприятия. Полжизни позади, а я только и могу сказать, что сумел посмотреть на крохотный участок этого стекла, свободный от пыли.

22.01.11. Суходолье

Жизнь на грани

Глава 1

Помни: сила рыцаря-джедая – это сила Вселенной; но помни: гнев, страх – это все ведет на темную сторону силы. Как только ты сделаешь первый шаг по этому пути, ты уже не сможешь с него свернуть.

Группа «Кирпичи». Джедаи

1

Лет сорок тому назад Литовский проспект представлял собой не что иное, как русский вариант Гарлема⁶. Сегодня это место выглядит благородно и изящно – под стать большей части нынешнего Петербурга, а в ту пору, когда город

⁶ Гарлем (англ. *Harlem*) – часть верхнего Манхэттена, исторически – с 1658 г. – освоенная афроамериканским населением граждан США. Остается центром афроамериканской культуры, одним из их деловых районов. В середине XX века значительное количество средств было выделено на повышение уровня жизни жителей Гарлема, однако без особого эффекта. Из-за бедности и криминальных инцидентов многие переехали в более спокойные для жизни места. Вновь развиваться Гарлем начал с 1990-х гг. На данный момент там проживает менее половины темнокожих от общего числа жителей в этой части Нью-Йорка.

этот еще именовался Ленинградом, все было иначе.

Если гражданин хотел остаться целым и невредимым, то после девяти часов вечера он не выходил на улицу, чтобы погулять по Лиговке. Это сейчас, конечно, влегкую можно без особой опаски выйти из какого-нибудь модного бутика, подышать свежим воздухом и насладиться красотой проспекта. А в те дни по Литовскому еле-еле ползли, будто усталые слизни, слепые трамваи, в которых даже кондуктор не мог обойтись без того, чтобы вытереть пот со лба и пожелать поскорее проплыть мимо.

Стоило только последнему трамваю в плохо скрываемом ужасе скрыться в тумане, как в местном кабаке случался аншлаг – может быть, оттого, что пойти достопочтенным господам на ночь глядя было больше некуда, а может, оттого, что публика в этом заведении была слишком далека от скисших сливок общества советской интеллигенции. Не буду утомлять предположениями, добавлю только, что в этом популярном местечке каждый вечер кого-то лупили, а утром местные жители вылавливали, словно заправские рыбаки, из кустов очередное безжизненное тело. Иногда это был труп участкового.

Погрязшая в этом сером месте, будто в болоте, жила себе тихонько молодая семейная пара: он – инженер, а она – продавец. И, как это обычно случается с людьми, которые встречаются и живут вместе, у них родился сын, которого называли Павлом. Паша, как и положено здоровому подростку,

быстро научился жизни на улице, узнав многие ее прелести и опасности не со слов родителей или школьных учителей, а на личном опыте.

Добропорядочная советская общеобразовательная школа, как истинно казенное учреждение с авторитарной властью, научила Павлика писать на стенах всякий срам, стучачить и, что называется, закладывать за воротник. Особенно это дело было хорошо матерой зимой – на улице холодно, зато внутри обжигающе горячо. Как ни странно, перед выпуском из школы мальчик решил, что с него хватит, – перестал выпивать, ябедничать, огрызаться и прогуливать уроки, разрисовывая стены с друзьями и мучая кошек. Не поверите, но он даже с удовольствием посещал кружок юного радиотехника и имел там успех, ему даже доверили вести школьную дискотеку и ставить музыку на выпускном вечере.

Честь, оказанная тем самым выпускнику, им самим все-таки не принималась: не то чтобы Паше было интересно развлекать ребят песнями, под которые они танцевали, – просто ему стало скучно, и, пройдя, как ему казалось, все круги ада (сколько этих кругов, он не знал, потому что в ад тогда не верил), он посчитал, что понял жизнь. И поэтому отстранился как мог от всех – от учителей, от родителей, от одноклассников – за тем, что теперь мы можем с вами назвать диджейским пультом. Короче говоря, без пяти минут выпускник – парень, который дома получал строгое воспитание и не так уж много тепла, а в школе максимум скучных знаний, но за-

то немало внимания со стороны девушек, – он полагал, что теперь стал взрослым. А взрослым, как мы знаем, все позволено. Или, точнее сказать, можно то, чего нельзя детям и подросткам.

Другое дело, что подростки все равно втихомолку собирают сладкие запретные плоды.

Жаль только, что, когда ты повзрослел и кажется, все приелось и пора на пенсию, – тогда оказывается, что жизнь только начинается. А для ребят самонадеянных это весьма обидно.

2

Когда ты пребываешь в уверенности, что сам себе хозяин, жизнь может весьма ловко вмешаться в твои планы, испортить тебе малину и спутать карты. Все для того, чтобы ты не возгордился и понимал, что руководишь этой жизнью, этим миром и людьми вокруг ровно настолько, насколько они руководят тобой.

Вмешивается она в твои дела, чтобы ты помнил, что никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь, и жил не только для себя, ради благ в далеком будущем, но и для других.

В общем, по опыту Паши, лезет куда не надо жизнь предельно просто – дает тебе пня под зад. И чем мощнее полученный поджопник, тем сильнее ускорение, которое тебе придали обстоятельства, тем сильнее боль от пинка – та, от

которой ты стремишься избавиться. Тогда-то ты и понимаешь, что если и знаешь что-то о жизни, то безумно, безумно мало. Тогда-то, когда кажется, что земля ушла из-под ног и уже летишь в пропасть, ты с опозданием понимаешь, что нет ничего глупее, чем, едва выйдя за школьный порог, кичиться тем, что уже познал все на свете, в том числе геенну огненную...

Герой истории, которую я собираюсь вам рассказать, оказался вовлечен в цепочку событий, которые лучше всего называть мистическими. Если я допущу где-то погрешность или неточность, заранее прошу прощения, слишком много я сегодня выпил в нашей дружной компании. Впрочем, вполне достаточно, чтобы продолжить эту историю и довести ее, как я и надеюсь это сделать, до конца.

То, что вы сейчас услышите, если вообще захотите принимать любимого препода в расчет, я расскажу так, как вижу собственными глазами. Оно и понятно. Но все-таки хочу оговориться сразу – я знал Павла лично, и, как вы легко можете догадаться, он и рассказал мне эту историю. Так что получится пересказ. А раз так, ясное дело, истории этой не удастся избежать новых подробностей и влияния моих фантазий. Но вижу, что сказал я уже немало, а толку от всего этого меньше, чем ноль. Так что поехали.

Еще несколько слов о том, каким был мой друг. При всем своем уме, который удачно сочетался с чувством юмора, на тех, кто не имел возможности и желания узнать его поближе, он все же производил впечатление дуболомного Иванушки-дурачка: коренастый, ростом под два метра, он предпочитал ходить облаченным во все черное, отчего его считали либо рокером, либо гопником.

К счастью, Павел представлял собой нечто среднее из этих двух: все потому, что он жил в опасном районе. Об этом я тоже упоминал, но все-таки. Я бы хотел, чтобы вы понимали, что он жил в районе, где, выходя на прогулку, ради собственного блага было бы полезным прихватить прут строительной арматуры, который можно удачно спрятать в рукаве своей кожанки. И нет чтобы изменить свою внешность и предпочтения в одежде, – нет, Пашу устраивало, что он отпугивает девушек. «Всех отпугивать невозможно. Как раз такие, каким я неприятен, мне меньше всего нужны», – частенько говорил мне он, и ведь был прав, засранец! Не скажу, что Паша слыл донжуаном, но если он и не пользовался у девочек бешеной популярностью, то спросом пользовался точно. Несмотря на свои шмотки, причесон и прочую мишуру.

Какое-то время я пытался с ним спорить, привести его в порядок, но потом смирился с его самонадеянностью и дерз-

ким имиджем. Тот факт, что в выпускном классе мой друг круто изменил свою жизнь, дает мне право, как я считаю, встать на его сторону: как знать, может быть, его наглость была следствием той опасной атмосферы прежней Лиговки, которую он впитал, что называется, с молоком матери, когда некоторых из вас и в проекте-то еще не было.

При всем при этом Паша никогда не знал проблем со своими родителями. Да, он не купался в их любви, а скорее плавал в океане их опаски за его будущее – конец девяностых, перестройка позади, но кто там знает, что нам всем принесут нулевые. Ну ладно, речь не о том, да и беспокоиться за своего ребенка в смутное время нормально. Даже если чадо давно уже выросло. Ну, что-то меня понесло...

На чем это я? Так вот... Жизнь с родными Павла устраивала не во всем, но и проблем особых он с этим никогда не испытывал.

Разве что однажды он не поступил в институт, после чего отец сказал ему: «Сын, или ищи работу, или катись из нашего дома в армию». В армию сынок не захотел и назло отцу удачно нашел и работу, и девушку. После двух лет совместной жизни они расстались. Знаете, как бывает: ты ее еще любишь, а для нее уже все закончено? Ну вот, что-то мне подсказывает, что и у Паши была такая же, как вы говорите, тема. И вот он пакует вещи, чтобы переехать из уютной квартиры на «Приморской» в незамысловатую комнату одной из коммунальных квартир на «Садовой». Там-то все и

началось...

Глава 2

Однако мы думаем, что ничего плохого, кроме хорошего, не произойдет. И, быть может, счастье еще озарит нашу горестную жизнь.

Михаил Зощенко. «Голубая книга»

1

Квартиру, на порог которой ступил Паша, можно легко назвать трущобой. Впрочем, я лично за то, чтобы называть вещи своими именами. Если описать одним или несколькими предложениями все, что предстало перед его глазами, то можно сказать так: обстановка в лучших традициях худших советских времен.

Недолго думая, молодой человек оставил свои вещи в коридоре коммуналки. Хотелось отдышаться после подъема по лестнице, осмотреться, а потом уже морально готовым зайти в комнату, в которой придется провести бог знает сколько времени.

На двери невзрачного туалета, потолок которого, видимо, время от времени протекал, какой-то остроумец написал: «Портал в иной мир».

Знакомство с апартаментами Павел начал с кухни, на

единственном столе которой стояла советская электрическая плитка на две конфорки. Под этой плиткой с романтическим названием «Мечта» местные тараканы, которых тут было в изобилии, любили греться долгими зимними вечерами. Чу! Смотрите-ка, вот один из них выбежал на секундочку из-под крыши своего теплого пристанища, чтобы в знак приветствия помахать новому жильцу парой своих усов. Позже Паша узнал, что жильцы квартиры их называют этих милых созданий Арсениями.

«Мда, Смакаревич был бы здесь точно в почете», – усмехнулся Павел. Вспомнив программу «Смак», он продолжил осматриваться вокруг. В левом углу кухни с облезлыми желтыми стенами стоял древний еле работающий холодильник, а в правом – гладильная доска, которой, судя по всему, никто не пользовался. Вся эта картинка вгоняла Пашу в ступор. Он смотрел на фурнитуру, а фурнитура, казалось, смотрела на него. Чтобы сохранить свой рассудок и уберечь себя от мыслей о собственной ненормальности, Паша прошел из кухни в ванную комнату. Она, как вы понимаете, была под стать кухне и в чем-то, если вы хотите знать мое мнение, даже выигрывала. Что я имею в виду? Ну, если кухня оставляла нас с вами желать ей лучшего, то ванная напоминала место преступления.

В первую очередь обращали на себя внимание истеричные стены, оклеенные картоном кроваво-красного цвета. Ванна

была чугунная и хромая, без одной ножки. Протезом для хромой бедняжки служили перевернутая вверх тормашками раковина да пара одиноких кирпичей. Словно пара атлантов, они хмуро и печально выполняли изо дня в день свой сизифов труд, который был таким потому лишь, что его никто здесь не ценил. Вдоль ванны, поверх картона, были прибиты листы фанеры, обтянутые как попало черным полиэтиленом.

Удивительно, но в этом месте была, помимо холодной, и горячая вода. Правда, самого крана для ванной не было предусмотрено: шланг душа встал в трубу, так что о том, чтобы принять ванну, не могло быть и речи. Сам душ ничем не закреплялся, и если держался, то, как говорится, на соплях или на честном слове.

«Все бы ничего, – думал молодой человек. – Ванна хотя и хреновая, но ведь и я не сахарный, не растаю».

Да вот только позднее парню открылось знание вселенской величины: вылезать из ванны было неудобно, потому что ты рисковал попасть ногой в грязную мокрую тряпку, которой с одинаковой периодичностью подтирались то лужи, то коридор квартиры. При попадании туда ногой не возникало ничего, кроме отвращения, скользкого и омерзительного. Приходилось мыть пятки по новой, а по периметру ванной передвигаться прыжками и перебежками, как в зоне боевых действий. Чтобы не влипнуть в лужу еще раз. Еще в ванной комнате находились две стиральные машинки. Одна, новая, но сломанная и не подлежащая ремонту, стояла здесь просто

так. А вторая была общая, старенькая и советская – из тех, что с пропеллером внизу. Как оказалось, стирала она отлично. Процесс этот достоин особенного упоминания: с характерным хрустом машина пережевывала ваше белье, выплескивая на пол море пены, словно какой-нибудь эпилептик, у которого случился очередной припадок.

Удручающую композицию завершали три ряда протянутых из одного конца ванны в другой веревок, на которых обреченно сохла постиранная эпилептоидной машинкой одежда.

– Вам, как мне было бы приятно думать, не приходится надеяться, что лампочки в коммуналке имели облагороженный вид, будучи одетыми в плафоны. Что это за излишество? Лампы – это лампы, и если они дают свет, то ты уже можешь быть счастлив... А голые лампочки по-своему сексуальны, вы не находите?

Итак, помывшийся, чистенький и свеженький, ты отпирал, как обычно для этого места, фанерную дверь, которая в буквальном смысле трещала по швам. Открыл и видишь перед собой единственную на пять комнат квартиры кухонную раковину. В ней, за неимением альтернативы, не стыдно было и руки помыть, и посуду, и носки постирать.

Увидев все это перед собой, Павел понял, что обитатели этого места давным-давно смирились с жилищными условиями. Никто не хотел ничего менять – вот какая истина витала в воздухе, словно табачный дым, который сложно было не

уловить – накурено было везде.

Павлик, как вы помните, был домашним мальчиком из полной семьи. Тем не менее с годами он проводил все больше времени во дворе или в гостях у друзей и отдалялся от родных. Думаю, поэтому он давно уже не чувствовал ни тени стеснения при желании наладить контакты с людьми. Так что познакомиться с соседями – такими же жильцами, как и он сам, – было не сложно, а может быть, даже в радость.

О, не стоит полагать, что Паша был из тех, кто стоит над душой и навязывается, – наоборот, ему было комфортно в роли одиночки, но между делом – по дороге из комнаты в туалет, из туалета на кухню и тому подобное – он с удовольствием общался с людьми.

В дальнейшем он увидел, что этот дом вобрал в себя самую разношерстную, потрясающую своей пестротой компанию. В первой комнате – той, что напротив кухни, жили две подруги: обе студентки-первокурсницы, прилетевшие из Новосибирска в Питер на учебу; девушки – будущий дизайнер Алина и экономист Марина – показались нашему герою веселыми и дружелюбными оторвами. К тому же он напомнил им, что они забыли выключить плитку, и в знак благодарности подруги угостили его арбузом.

– Мне-то что? Пофигу, что чуть не сгорели. А вот за тараканов, тараканов-то обидно! – иронизировал Павел. – Теперь кому-то из них придется вставать в очередь на льготы и проходить утомительные экспертизы. Вдруг какой-то обо-

жженный только притворяется инвалидом?

Вторая комната была той самой, в которой жили Паша и его соседка, с которой ему не терпелось познакомиться. Чтобы попасть туда, нужно было зайти за комнату подружек – сразу за ней вам бы открылся живописный и узкий, как тамбур старой электрички, обшарпанный коридор. Можно даже предположить, что в царские времена, когда дом был еще молод и хорош собой, этот скромный коридор был связующим звеном между прислугой и ее господами.

В комнате номер три – то есть за стенкой комнаты, в которой придется жить Павлу, обитала удмуртка Вика со своей дочерью лет одиннадцати.

Наш герой поначалу, кстати, не понял, училась ли эта девочка в школе, но, спросив у соседской дочки совок, чтобы подмести в комнате пол, он был очарован ее ответом: «Собаки у нас нету».

В четвертой комнате зависали молдаванка лет тридцати пяти и украинка, которой было под пятьдесят. Женщины проживали в этой квартире, как оказалось, дольше всех – целых два года.

Последнюю комнату делили между собой два человека: непонятного вида старуха, которая выходила на свет божий крайне редко и все боялась, что ее выселят, – как позже узнал Павел, ее звали Клавдия Васильевна, – и парень, который был не прочь обняться с бутылкой горячительного.

Но все это открылось Павлу позднее, а пока, пошарив

по квартире и познакомившись со всеми, кто был дома, он собрал манатки и вошел в свою комнату, не надеясь увидеть внутри ничего сколь-нибудь приличного. Особой радости или облегчения, оказавшись на новом для себя месте, молодой человек пока не испытал. Волоча на себе пожитки, он шаг за шагом шел к своей комнате. Пара секунд, и он открывает картонную дверь с дужками для замка, который был тут не как средство безопасности, а скорее как элемент интерьера, – перед тем как войти, Паша заметил, что эту дверь легко снять с петель, всего лишь приподняв.

– Ай, какая мне разница. Все, что мог, я уже потерял, – сказал он себе, вспоминая расставание со своей бывшей девушкой. – И почему я порчу хорошие отношения, а из плохих стараюсь вылепить конфетку? – выдохнул Паша, пнув ногой дверь в новую, казавшуюся не радужной жизнь.

2

Павел ввалился в комнату, почти как Вовочка на урок к Марье Иванне в том анекдоте:

«– Вовочка, а ну выйди вон из класса и зайди в него как положено. Так, как это делает твой отец.

– Что, не ждала, сука?! – крикнул школьник, пнув ногой дверь».

Оказавшись внутри, он почувствовал себя неуклюжим слоном. Хотя эта сцена заняла от силы секунд десять, наш

«Вовочка», раскрыв рот, смотрел на свою соседку.

Хотя он вошел довольно громко, она, казалось, не обратила на его появление никакого внимания. Девушка сидела за своим ноутбуком и слушала «Fleur»⁷. Повернувшись лицом к своему новому соседу, она, слегка улыбнувшись, сказала ему: «Здрасьте» – и какое-то время смотрела на него с любопытством, сгоревшим быстро, словно спичка.

Кстати, о спичках. В комнате, которую Паша резонно пока не хотел одаривать своим взглядом, витали клочья сигаретного дыма. Девушка сидела на стуле в по-домашнему простой и почти что вульгарной позе – пятка одной ноги спрятана под попу для большей мягкости, а вторая вытянута под столом. Сигаретный дым струйками шел из импровизированной пепельницы, роль которой выполняла банка из-под кофе.

Итак, она смотрела на него. Он, в свою очередь, смотрел на нее. Странно, но я помню, как Павел говорил, что в тот момент время для него словно перестало существовать. И в тот момент Паша почувствовал сердцем, что в этом доме, в этой комнате произойдет что-то такое, что изменит всю его жизнь начисто. Интуитивное понимание этого пришло к

⁷ Украинская музыкальная группа, основанная в 2000 году поэтессой Ольгой Пулатовой и Еленой Войнаровской. «Fleur» обладают самобытным звучанием, в котором сочетаются неоклассика, рок и поп стили музыки. Внимание слушателей в творчестве одесского коллектива привлекают мультиинструментальные аранжировки композиций, эмоциональная лирика и разнообразный женский вокал исполнительниц.

нему легко и непринужденно.

Наряду с этим наш новый жилец продолжал жадно запечатлевать черты лица незнакомой, но уже милой ему соседки. Помню, он рассказывал, что, пока он на нее смотрел, казалось, что он был самым счастливым на свете – словно не было в его жизни тяжелого багажа проблем, с которыми он дошел до этого места. Вижу, вам интересно услышать, какой же она была? Что ж...

«Я бы сказал, что телосложение у тебя спортивное, да и видон соответствующий. – думал Павел, смотря на девушку, одетую в розовый балахон и голубые спортивные штаны. – Странно, что ты куришь... Хотя это придает твоей красоте глубины. Была спортсменкой? Потом надоело, или что-нибудь плохое с тобой произошло, и с тех пор ты перешла на какой-нибудь боулинг или бильярд – бьешь редко, но метко».

У нее были правильные черты лица. Глаза ее были большими, но не огромными; губы чувственными, но без всякого намека на пошлость. Казалось, на щеках девушки изредка мог заиграть румянец; во взгляде ее читалась странная грусть, такая, словно кто-то в свое время больно задел струны ее души, а потом, наигравшись, оставил расстроенный инструмент в сторонке. Сравнение этой утонченной девушки с гитарой неуместно, впрочем, считать, что она ангел, Павел не видел смысла. Фигура? Что надо, все на своем месте. Она не то что хорошенькая, а просто-напросто – офигенная!

Тыфу ты, она что, одноногая?!

«М-да уж, и это моя соседка. Еще и курит», – чуть было не чертыхнулся Павел, но промолчал.

Впрочем, как говорил Ганнибал Лектер⁸, люди не всегда говорят то, что думают, и я где-то слышал, что эмоции, написанные на наших лицах, далеко не всегда удастся скрыть. Так и на этот раз. Одноножка, как мысленно окрестил ее Паша, вмиг распознала на лице своего двуногого сожителя смесь удивления и отвращения – тот коктейль, пригубить который он явно был не готов.

Так, начало их знакомству и сожительству было положено не самое подходящее. Я вот, например, пытаюсь представить, как бы это было, окажись я на месте Павла, так и вижу, как глаза соседки вновь наполняются грустной отрешенностью, теряя интерес к вошедшему, чтобы не было больно.

Простое слово «привет» Павел проговаривал сперва с улыбкой радости и восхищения, а затем уныния и разочарования:

– При-вет, – сказал он, обрушив на паркет ворох своих вещей.

– Привет. Меня зовут Кристина, – бросила она новому соседу и повернулась к монитору, чтобы ненароком не распла-

⁸ Психиатр и маньяк-интеллектуал, герой книг писателя Томаса Харриса («Молчание ягнят» и других). Людоед, обладающий особым мировоззрением, Ганнибал Лектер в массовой культуре обрел славу известного злодея, не в последнюю очередь благодаря эталонному актерскому исполнению сложной роли Энтони Хопкинсом.

каться.

– Меня Павел. Очень приятно.

– Я вижу, – холодно, почти безучастно ответила девушка и уткнулась в компьютер.

– И все? – спросил молодой человек, не понимая, что происходит и как ему быть дальше.

Кристина проигнорировала вопрос, и он, недовольно бормоча, начал раскладывать свои вещи туда, где находил для них место: два пакета с бельем в покосившийся, будто старое дерево, шкаф. Сумку с консервами, посудой и прочим – под столик (не тот, за которым сидела Кристина, а другой, поменьше). Минутой позже его кожаная косуха была брошена на стул, глядя на который можно было подумать, будто он ровесник этому дому; а вторая и последняя сумка были поставлены на шкаф.

– Вот как-то так. Надеюсь, не развалится, – сказал Паша нарочито непринужденно, стесняясь признаться себе, что чувствовал себя неловко перед Одноножкой.

«А ведь не прошло и десяти минут. Ох как же я удивлюсь, если мы продержимся вместе как соседи хотя бы пару месяцев», – думал он с улыбкой, как после кислого лимона.

– Чаю хотите? – Кристина закрыла крышку своего компа, оборвав нежный голос Ольги Пулатовой на середине песни.

– Эм-м, ну, если вы изволите. То есть да, я был бы рад.

– Сейчас организуем, – ответила она и, нажав на кнопку дешевого чайника (вроде тех, которые покупают сту-

денты на распродажах в супермаркетах), в два прыжка оказалась на своем диване.

– Спасибо, – произнес Павел со сдержанной благодарностью в голосе. Он знал, что ему, мягко говоря, придется потратить некоторое время, чтобы привыкнуть к жизни с Одноножкой. Чтобы попытаться принять ее если не за полноценную сверстницу, то хотя бы за девушку второго сорта.

Пока кипятился чайник, Паша присел на красное кресло, которое можно было раскинуть, чтобы превратить в одноместную кровать. Сняв ботинки, которыми он наследил в комнате, как свинтус, Паша надел тапки.

Поставив ботинки под шкаф, он вернулся на прежнее место и посмотрел в окно рядом со своей койкой. На улице падали хлопья густого снега и было видно, что там правит бал холодный ветер. Но несмотря на то, что комната была далеко не первой свежести, а дом, мягко говоря, староват, в помещении было тепло – батареи грели отлично. К тому же тепло в доме было еще и потому, что, как Паша вспомнил, в подъезде со ступеньками, рассыпавшимися от времени, над головой торчали трубы теплоснабжения.

– Забавно, но даже у ветхости есть свои плюсы, – поделился он своей мыслью с Кристиной, которая расположилась с книжкой на своем диване.

Через какое-то время, за кружкой чая, они начали понемножку привыкать друг к другу.

Но после восьми вечера произошло кое-что неожиданное

для них обоих. В хлипкую дверь их комнаты громко застучали, но шпингалет выдержал, не давая двери распахнуться.

Первая мысль Павла была, что это к ним стучатся менты, — к тому вечеру он уже знал, что дом, который он отыскал для съема жилья, — расселенный. Отсюда и цены у этой комнаты такие демократические: семь тысяч в месяц, то есть по три с половиной тысячи с человека. Впрочем, если быть честным, то Паша и тысячи рублей за эту комнату бы не отдал.

— Ой, не парься. Это, наверное, Ольга, — сказала ему Кристина и поскакала открывать ей дверь. Пока она прыгала, Паша с удивлением смотрел, как из стороны в сторону болтался конец штанины, заправленный вокруг обрубка Кристининой ноги, чтобы не мешать ей передвигаться.

«Что же с тобой произошло и почему ты не носишь протез?» — думал он, наблюдая, как девушка разговаривала с пожилой украинкой.

— Передай своему соседу, чтоб через час был на кухне! Проведем собрание и обсудим порядок. А то достало меня это все, — сказала украинка по имени Ольга, благодаря своему трудолюбию и напористости пользующаяся здесь авторитетом, и пошла оповещать остальных.

— Это что, у вас тут каждую неделю проводятся утренники, да? — изумленно спросил Паша Кристину.

— Не знаю. Два месяца тут живу, но никогда такого не было.

Когда пришло время, ребята вышли на кухню. На этот раз

в кухне, озаренной желтым светом горящей лампочки, было что-то привлекательное. Паша начал думать, что привыкает к происходящему.

Впрочем, позже он понял, что рано начал радоваться.

Стоя опершись спиной на дверной косяк, Паша с интересом изучал новые лица, возникшие перед ним: «Ага, вот тот парень алкогольного вида, а вот и наша соседка-удмуртка, о которой говорили мне девочки, когда я хрумкал арбуз».

Как бы там ни было, заинтересованность в том, что говорила Ольга, казалось, испытывала лишь она сама. Паша помнил, что в тот вечер она показалась ему строгой и наглой пенсионеркой, которая считает себя тут королевой:

– Мы с Викой, – Ольга взмахнула рукой, будто занеся топор над головой Вики, – живем тут с самого начала, а вы, – обращалась она к остальным, – живете тут как попало и каждые несколько месяцев сматываете удочки...

– С момента основания, что ли? – прошептал Павел и увидел улыбку Алины, услышавшей его вопросец.

– Что смешного-то? – рассердилась Ольга. – Я, собственно, о вас с Мариной и говорю. Где это видано, чтобы по ночам на кухне носки стирать?

– Да не стирала я тут носки, с чего вам так думается? – спросила Марина, отражая атаку.

– Вы знаете, я на людей не наговариваю. Пошла в туалет ночью, выхожу – а ты тут в темноте дрочишься.

– Понятно... – махнул Паша рукой, поняв, что оказался

на собрании колхозниц. Перед тем как пройти в комнату, он услышал, что надо каждому выключать за собой свет (а не то Алевтина Эдуардовна, хозяйка этого места, выселит), и обратил внимание на график уборки квартиры – каждая комната по очереди должна делать уборку в свою неделю.

Когда тем же вечером на кухне он чистил зубы, ему удалось переговорить с Мариной, ожидающей своей очереди в ванную.

– Да эта дура реально не в себе, – говорила она об Ольге. – Я голову в раковине мыла, а не носки стирала. Ты только ей об этом не говори, ладно?

– Если честно, тут, как я посмотрю, все не слава богу. Стирать носки в ванне, по-моему, ничуть не лучше. Так что не парься.

– А вот за это спасибо.

– Пожалуйста, – улыбнулся он ей, а затем принялся полоскать рот, думая о том, что первый день самостоятельной жизни «на грани добра и зла» позади.

Глава 3

У человека можно отнять все, кроме одного: последней свободы человека – выбирать собственное отношение к любым обстоятельствам, выбирать собственный путь.
Виктор Франкл

1

Мало-помалу Паша привыкал к своей отстойной жизни маргинальной богемы, как он в шутку себя прозвал. Собственно, все как всегда: работа – дом, только никакой личной жизни и комфорт ниже среднего. Он чувствовал себя крысой, которая находится гораздо ниже ватерлинии тонущего корабля. Но пока что выбирать не приходилось.

После работы он приходил домой, ложился на кровать и плевал в потолок, думая о прошлом, которое он похерил. Так он лежал и, онемев, ныл, обвиняя себя во всех ошибках человечества. Наверное, ему нравилось страдать, считая, что он оказался в дерьме. Как бы там ни было, первую неделю Павел провел, закрывшись от всех и вся. Когда Кристина возвращалась с работы, он делал вид, что все у него хорошо, хотя она понимала: что-то у него в жизни не в порядке.

Как-никак, а сюда, в этот дом попадают люди не от хоро-

шей жизни, верно? Кристина чувствовала, что она нравится своему соседу, и искренне пыталась с ним подружиться. Но, по всей видимости, это был тот случай, когда наш герой обжегся на молоке и поэтому дул на воду.

Но даже самый унылый мизантроп может заскучать от презрения к себе и к окружающим. Потихоньку он начал общаться с соседями, а уже через месяц почувствовал, что он в этой квартире – как рыба в воде.

Впрочем, кроме этого, произошло еще кое-что...

...Из серии: «Только привыкнешь, что жизнь прекрасна, как она повернется к тебе одним местом», чтобы ты не расслаблялся.

Рано или поздно любой снимающий комнату или квартиру имеет радость познакомиться с ее хозяином. Бывает это по-разному. Но иногда все происходит крайне необычно. Так, Паша вышел на Алевтину Эдуардовну по «наводке» своего друга, который снимал у нее же комнату в коммуналке дома на «Гостином дворе»⁹.

Паша помнил, как обратился к этой женщине, когда, что называется, приспичило, и она, начав с того, что место на Вознесенском проспекте хорошее, а цены приемлемые, сказала, что на данный момент все каморки заняты («Ах, как

⁹ Имеется в виду станция метро в Петербурге, вестибюль которой расположен в здании торговых рядов (много лет эти площади занимает универмаг «Большой Гостиный двор»), выстроенных по проекту Ж.-Б. Валлен-Деламота в 1785 году. Исторически является популярным местом торговли, расположенным в центре города, на Невском проспекте.

неловко»). Несолоно хлебавши Паша начал искать жилье другими путями. Но варианты, которые ему попадались, не подходили или в денежном, или в территориальном отношении. И когда он встал перед необходимостью экстренно съезжать хоть куда-то или отправляться служить Родине, руки сами набрали номер Алевтины Эдуардовны.

Договорились, она вошла в его положение и показалась поначалу здоровой теткой. Деньги за первый месяц проживания он отнес охранникам, которые находились в будке рядом с аркой, – сторожили ворота и следили за двором, который был утыкан камерами видеонаблюдения.

Но важно не это, а то, что впервые он увидел эту женщину, занимающуюся благотворительностью, лишь спустя полтора месяца. За несколько дней до этого вся квартира переполошилась, превратившись в сумасшедший дом: сыр-бор начался после того, как стало известно: теперь жильцам нужно платить по две тысячи в месяц за электричество.

Разумеется, пролетарии, и наш Паша в том числе, были не согласны с новым порядком оплаты.

Паша попытался разрулить ситуацию для них с Кристиной:

– Алевтина Эдуардовна, но ведь мы с вами договаривались, что семи тысяч на двоих будет достаточно. Что, если нам просто нечем платить?

– Ну, Павел, вам не повезло...

– Поймите, пожалуйста, когда я жил с родителями, мы

за трехкомнатную квартиру платили по счетам всего четыре тысячи в месяц. А тут за свет – две. Я не спорю, комната классная, но у нас тут нет сварочного аппарата.

– Тогда могу вам предложить вернуться к родителям. Вы же к этому готовы, верно?

– Речь не об этом, а о том...

– Паш, поймите теперь вы: то, что было раньше, это... это были каникулы... А теперь пора снова в школу. Тем более что я этот дом ремонтирую, с ребятами... Мне ваших денег не нужно. Поэтому вы их и отдаете охране. С меня ведь тоже за этот дом спрашивают, ясно вам?

– Хорошо, Алевтина Эдуардовна, ясно.

– Хм... Тогда, может, вот что... Может быть, я деньги за аренду попрошу у охраны обратно, чтобы они вам отдали, а вы на них купите немного краски и стройматериалов и приведете всем скопом подъезд в порядок? – спросила Алевтина Эдуардовна очень сладко и вкрадчиво, как спрашивает Лиса, прежде чем заманить Колобка себе в пасть. – Вы только остальным соседям об этом не говорите, и все будет хорошо

– Ох... – смекнул Павел. – Я бы рад, но времени нет, работаю пятидневку. А Кристина, сами понимаете...

– Господи! Что за люди?! Вам стараешься, стараешься. Ваша квартира – одни предъявы, а как что-то попросишь, так начинаются капризы... Вы поймите, на меня повесили долги за этот дом. И их надо выплатить. Поэтому мы тут сели и посчитали. Вот и вы попробуйте сосчитать себе в уме

количество квартир и комнат в доме и разделите на шестизначную сумму. Как, нравится? Так что, Паш, ваши деньги идут не мне. Примите это во внимание.

Услышав эту пламенную речь, Павлу хватило ума прекратить качание прав и уgomониться. Девять тысяч на двоих – это еще не так уж и плохо, успокаивал он себя, втайне жалея, что оказался здесь.

Но что сделано, то сделано. Позже Ольга попыталась обратить внимание хозяйки, что можно оплачивать свет по счетчику, на что Алевтина Эдуардовна легко и непринужденно съехала с темы, сказав, что в их квартире счетчик не работает.

– Пусть не пиздит! Все работает! – в бешенстве вопила во всю ивановскую Ольга.

Затем порешили обратиться в местный ЖЭК или в «Ленэнерго», но, как только дошло до дела, энтузиазма у жильцов квартиры № 25 поубавилось. Бунт был подавлен, так и не начавшись...

О, и было еще кое-чего. Подкопив, Паша и Кристина решили приобрести бэушную стиральную машинку-автомат, чтобы не пользоваться советским «пропеллером». Это приобретение послужило одновременно и поводом для попытки хоть как-то узаконить отношения между съемщиками второй комнаты и хозяйкой.

Телефонный звонок. Гудки. Предложение заключить договор, чтобы забрать машинку, когда придется съехать. «Ка-

кой договор?! Вы в каком мире живете? Получится полгода прожить – пожалуйста, живите! Получится год – здорово, нет проблем!»

Вот и поговорили. Примерно такой же разговор состоялся между ними троими неделей позже, после того как соседи – да, даже тогда они были далеки от того, чтобы дружить – вывели клопов, найдя какого-то парнишку в газете бесплатных объявлений.

Молодые люди, уважая себя, решили попросить у хозяйки тысячу рублей «за клопов» обратно. На что был получен однозначный ответ:

– Клопов не было! – При этом Алевтина Эдуардовна смотрела преимущественно на Кристину как... как на таракана. «Господи, если я не люблю инвалидов, то как назвать *это*?» — вопрошал Павел, пытаясь охарактеризовать тот надменный, ледяной и одновременно испепеляющий взгляд, с которым смотрела на Кристину хозяйка – женщина лет пятидесяти пяти, с дорогой косметикой на лице и весьма неплохим вкусом в одежде. Так, пожалуй, смотрят на нелюбимого мужа или ненавистного приемного сына, которого не смогла полюбить бездушная мамаша.

При других условиях он бы посчитал эту даму милой и воспитанной женщиной средних лет – бизнес-леди или преподавательницей.

Но в тот момент она казалась ему работником Гестапо. Тем, который днем шагал выполнять свою жестокую работу,

а вечером, придя домой, мог искренно плакать, слушая Моцарта, сидя за бокалом розового шнапса и ненавидя войну и себя.

Казалось бы, мелочь, но две первые встречи, помноженные на неприязнь к Кристине как к инвалиду и симпатию к ней как к девушке, стали для Павла краеугольным камнем всей этой истории.

И да – это только начало...

2

Чем больше Павел жил в этом старом доме с почтенной историей, тем больше ощущал, что живущие здесь находились в незримом водовороте едва уловимых парадоксов.

Одним из таких для Паши явился тот факт, что алкоголик из последней комнаты взял и съехал. Странность заключалась в том, что съехал он по собственному желанию. И это притом, что выглядел он плачевно, чтобы не сказать – непотребно.

Оказалось, что он приехал в Петербург из Твери не так давно, в начале лета.

– В ваш город я приехал на заработки. Халтурил ей тут – крышу чинил, окна красил в подъездах дома, пока тепло было, и все такое, что мог руками делать, – рассказывал Паше спившийся двадцатилетний парень, который от портвейна «777», именуемого в народе «Три топора», выглядел стар-

ше лет на пятнадцать.

– И как, платила хоть?

– Ага. – Парень затянулся сигаретой и, приложившись к бутылке, схватился за пошаливающее сердце. – Ф-у-у-х... Да, платила. Первые два дня так, как договорились, а потом по пятьсот рублей в день.

– И что ты сделал? – спросил Павел, полагая, что тот просто послал ее в долгое пешее путешествие.

– Съехал.

– Да ладно?

– А что ты думал, если я пьян, то, значит, ни на что не годен?

– Но а че ж ты тогда вернулся?

– Понимаешь... – Парень выдохнул дым и затушил сигарету об опустевшую пачку «Честерфилда». – Это место заставляет возвращаться.

Они взглянули друг на друга, и Павел, при всем своем снисхождении к алкоголической молодежи, заметил в глазах собеседника такой страх и такую... запредельную, если не сказать «загробную», мудрость, – ту, которую он бы не сумел постичь, даже если бы очень захотел, – что сразу поверил бывшему постояльцу.

– Так значит... ты еще вернешься?

– Бог мой! Что угодно лучше, чем это!

– Но разве тебе есть куда идти?

– Не совсем верный вопрос, мой друг... Дело не в том,

куда я уйду, а в том, отчего я запил...

С этими словами они пожали друг другу руки, а затем паренек взял свою сумку и еще один баул и был таков.

– Но, черт побери, откуда вам известны такие подробности?

– Тише-тише. Кто понял жизнь, тот не торопится. Слушайте, дорогие мои, и не перебивайте, а то пропустите самое интересное, или я собою с мысли, и вся малина будет испорчена.

После чего рассказчика не перебивали.

3

– Доча, каждый в жизни должен иметь свою цель. Иначе зачем рождаться на свет? Дворник должен убираться, преступник – воровать и убивать, а полицейский его ловить, чтобы он понес наказание. Каждый делает свою работу: ты делаешь, я делаю – мы все это делаем. И прежде чем ругать ту систему, частью которой ты, равно как и я, являешься, подумай, почему в народе шутят, что «тормоза придумали трусы», и говорят, что, если ты не нарушал ПДД – значит, вообще не садился за руль.

– Но ведь таким путем оправдать можно что угодно. Да, конечно, есть черное, а есть белое, и есть еще оттенки, но...

– Да. Так что все мы нарушаем правила. Потому что правила – это туфта. У России исторически сложился свой, осо-

бый путь, и как бы тебе ни было смешно, идеал чиновника – это достигнуть такого дзена, после которого можно делать все и совершенно безнаказанно. Не веришь?

Девушка покачала головой из стороны в сторону. Скорей бы мама довезла ее до института. Учеба всяко лучше, чем подобные разговоры. Мама продолжила:

– Ну подумай: какой-нибудь Вася Пупкин вкалывает на заводе по сорок часов в день, и все, что ему хочется, – это получить свои копейки, прийти в свой выходной и набухаться перед телеком. Те, кто поумнее, располагают большим количеством свободного времени и поэтому пишут книжки, снимают кино или ходят в театры. Режиссеры имеют власть над зрителями, писатели – над читателями, ну и так далее. Власть – вот на чем держится мир!

– И деньги, – ехидно, как бы между делом, обронила дочь Алевтины Эдуардовны.

– Да, к сожалению, и без них не обойтись, – вздохнула мама. – Сейчас-то демократия, делай что хочешь. Знаешь, скольких я видела ребят твоего возраста, которые приезжали в Питер учиться или работать, а потом оставались без всего или были кем-то облапошены? В результате человек потерян, и чем ему остается заниматься? Нет, ты скажи, чем? Порножурналы автомобилистам раздавать? А где секс, там и наркотики. И хана мальчишке. Вот как это все работает. Поэтому я и организую людям жилье в расселенках.

Анна молча слушала маму. Нехотя приходилось признать,

что и в ее циничных словах было зерно истины.

– И конечно, все мы устаем, – продолжала Алевтина Эдуардовна. – Думаешь, мне не тяжело? Думаешь, я считаю, что тебе легко? Каждому нужен отдых, Анют. Вот только характер отдыха зависит от уровня развития – кому-то достаточно пивка перед телевизором, кому-то поплакать в зрительном зале, а кому-то нужно отдохнуть в Эмиратах. Все эти вопросы решают деньги: и не важно, покупаешь ты билет на самолет или в кино. Власть – это чудесное средство заработка. Ведь когда ты все контролируешь, тогда ты можешь расслабиться и не переживать. К тому же, если от тебя зависят люди, это приятно – потому что ты знаешь, что ты им нужна. К чему это я? Можно говорить, что я ворую. Ладно. Но подумай о хорошем – я даю рабочему классу кров! И надеюсь, что они это все-таки ценят. Я не всесильна и не могу решить всех их проблем. Но квартирный вопрос для этих ребят хотя бы временно разрешен. Не так ли?

– Но почему бы тебе не уступить хотя бы раз этой девушке на костылях и тому парню новенькому? Всего одной комнате?

– Потому что я уже поняла: если ты начинаешь относиться к этим людям с уважением, то они сядут тебе на шею так, что потом не отвертишься, – сказала она, остановившись рядом со входом в вуз. – Хорошей тебе учебы!

– Спасибо, мам. И тебе хорошего дня! – ответила Аня с нотками усталости в голосе, которые не понравились Алев-

тине Эдуардовне.

Дверца «Опеля» захлопнулась, и сквозь затемненное стекло машины мама смотрела, как дочка засемила на крыльцо института.

«Что ж, может, она и права», – подумала Алевтина Эдуардовна и продолжила движение.

Глава 4

Без дружбы никакое общение между людьми не имеет ценности.

Сократ

1

Пятничное «утро в деревне» началось с того, что Паша поежился под одеялом, проснувшись от холода. «Как я мог забыть закрыть на ночь форточку?» – подумал он, шмыгнув носом. Заболеть, когда зима на подходе, ему хотелось меньше всего.

Кристины традиционно не было дома – девушка просыпалась в семь утра, чтобы к девяти появиться на работе. Впрочем, за все то время, что они сожительствовали, он так и не удосужился поинтересоваться, кем она вообще работает.

Раз уж проснулся, значит, надо выпить чаю и собираться на работу. Парень почесал ногу и включил чайник, думая о том, что просыпаться раньше обычного не так уж плохо хотя бы потому, что ванная будет свободна, – Ольга и остальные женщины вставали в шесть утра и уходили на работу – убирать пентхаусы и салоны красоты людям. Богачи, как был уверен Паша, в жизни не знали, что такое коммунальная

квартира.

– Стоп. Не понял, что за фигня? – сказал Паша как чайник чайнику. Спросонок он смотрел, как на приборе не загорался индикатор включения, и не мог понять, что света нет. Он щелкал кнопкой туда-сюда, но чайник так и не заработал.

– Просто мистика, – шепнул он сам себе, рассмеявшись. Когда же до него дошло, в чем дело, он уныло побрел в ванну. Помывшись, он открыл небольшой холодильник, купленный по объявлению в Интернете, и, достав оттуда упаковку кефира, сделал пару глотков.

По утрам он пил кефир без сахара, а перед сном, наоборот, с сахаром – так, как это было в его счастливом детстве, когда он с мальчишками оказывался в пионерлагере и пил сладкий кефир с вафелькой. Все это называлось в те времена поздним ужином.

«Поздний завтрак» не удался. Выпив кефиру, он встревоженно позвонил хозяйке:

– Алевтина Эдуардовна, доброе утро.

– Доброе утро, Паш, что у вас? – Как ни странно, в ее голосе он услышал участие.

– У нас кина не будет – электричество кончилось.

– А-а-а... Не волнуйтесь. Во всем вашем подъезде нет. Появится ближе к середине дня.

– Хорошо, спасибо.

– Да было бы за что.

На работу ему надо было к часу дня. Взглянув на настен-

ные часы, ход которых, слава богу, не зависел от электроэнергии, он отметил, что уже половина двенадцатого.

Павлу было жаль, что не получится разогреть приготовленный с вечера завтрак на портативной Кристининой комфорке. Вспомнив забавный демотиватор из социальной сети, молодой человек подумал, что действительно ходит на работу не ради денег, а ради бесплатного туалета, чая и воды из кулера.

Одевшись, он взял свои ключи, сняв их с вбитого в шкаф гвоздика, и вышел из комнаты. Закрыв дверь, он щелкнул навесным замком и пошевелил дверью из стороны в сторону, чтобы проверить, захлопнулся ли замок.

Иллюзия безопасности создана. Ритуальная пляска сплясана, поэтому можно идти дальше.

На пороге квартиры ему повстречалась Алина. Он любил общаться с этой немногословной одинокой девушкой. Обладательница больших сисек и красивых глаз, она, как настоящий художник, не чуралась использовать минимум, чтобы выжать из него максимум.

Это касалось всего, что ее касалось: начиная от комнаты, в которой они с Мариной сделали ремонт – ободрали дерево со стен, постелили на пол ковер; стены и половину мебели покрасили в черный цвет, другую половину – в белый; кроме того, везде, где могли, девчонки оставили отпечатки своих ладоней, вымочив их в белой краске, – и заканчивая Алиным внешним видом. Этим утром на ней была надета про-

стая черная майка, из тех, которые made in china, но штука была в том, что теперь на этой майке было нарисовано дерево с белым стволом и кровавыми лепестками. Под деревом была надпись: «I wanna see you cry, bitch»¹⁰.

– Вау, как ты классно выглядишь! – восхитился Паша.

– Миу, спасибо. Ты на работу?

– Так точно!

– Ну удачи, – сказала ему соседка, наклонившись так, что часть ее тела скрылась на мгновение за дверью. – Стой. Смотри, кто теперь с нами живет. – Верхняя часть туловища Алины вернулась на место, и девушка вышла в темный коридор с мохнатым живым комочком в руках.

– Котика завели? Какой классный. Откуда?

– Да вчера в подъезде нашли. Небось какая-нибудь алкашня выгнала. Помыла его, начинает осваиваться.

– Как назвала?

– Бендером.

– В честь того робота из «Футурамы»?¹¹

– Нет, в честь моего бывшего.

– И тут у тебя креатив прет.

Девушка рассмеялась.

– Не знаешь, чего света нет?

¹⁰ С англ.: «Я хочу видеть твой плач, сука».

¹¹ *Futurama* – американский мультсериал Мэтта Гроунинга, автора не менее известного мультсериала «Симпсоны». В «Футуре» рассказывается о приключениях команды из города New-New York, занимающейся межпланетными грузоперевозками. Действие мультфильма разворачивается в будущем.

– Знаю, вот, держи, – ответила Алина, сбегала в комнату и, шмыгнув обратно, отдала ему бумажку от «Петроэлектросбыта».

Вышли на дневной свет, падающий из окна в кухне.

– Написано, что дом отключен по причине расселения. Звонила по их номеру?

– Нет. – Застеснявшись, Алина вперила глаза в пол. Бендер мяукнул.

– А чего?

– Мне нельзя туда звонить. И тебе нельзя.

– Почему?

– Так хозяйка сказала. Это вам с Кристиной хорошо, а на нас и так Ольга зуб точит.

– Ладно. Дашь мне бумажку?

– Да, держи. – Алина протянула ему квитанцию.

– Все будет хорошо, не грусти.

– Лучше некуда, – зевнула она и отправилась с Бендером в свою комнату.

Спускаясь на улицу, Паша в очередной раз позвонил хозяйке:

– Алевтина Эдуардовна, это снова я. Я тут вышел в подъезд и нашел под дверью бумажку об отключении электричества. Там сказано...

– Паша, разорвите эту бумажку и выкиньте. Жорик придет и все сделает.

– Seriously?

– Серьезнее не бывает. Я вас не брошу.

Паше хотелось на это надеяться, но в свете последних событий он не очень верил ее словам.

2

Оказавшись на свежем воздухе, Павел увидел охранников, покуривающих на выходе из своей комнаты. Поздоровались, разговорились. Пора было брать быка за рога.

Паша решил действовать:

– Ребята, вы в курсе, что в случае чего вы станете крайними?

– Почему?

– Не прикидывайтесь... Потому что, если подумать, получается, что ни жильцы, ни хозяйка к дому отношения никакого не имеют. И, случись что, она скажет, что оказалась тут проездом и вообще ни при чем.

– Что ж ты предлагаешь? Горячая твоя голова... Или ты тут живешь, или вали по холодку.

– Я не мент и не стукач, но если даже вы с ней заодно или каждый в этом доме сам за себя, – пораскиньте мозгами, что тут начнется, случись какая-нибудь губернаторская проверка или еще что-нибудь крупное. В масштабе города, не район.

– Ладно, ладно. Давай иди, а то договоришься...

– Не вопрос, мужики. Я уже исчезаю и надеюсь, что мы с

вами не вспомним об этом разговоре, когда увидимся вновь.
– Успехов!

Так, надеясь, что ему удалось зародить в головах охранников сомнение в правильности того, что они тут делают, наш протестующий благодетель отправился остужать горячую голову в свой офис.

3

Вечер пятницы ознаменовался бурной ссорой между Кристиной и Павлом. В тот день, возвращаясь домой с работы, Паша чувствовал себя измотанным и уставшим. Настолько, что даже приближающиеся выходные несколько его не прельщали.

Кроме того, на улице была мерзопакостная слякоть. Выпавший днем снег теперь таял, и Павел скользил по нему – ощущение не из приятных. Он забыл, что с утра не было света, и поэтому, придя домой, не выказал ни радости, ни удивления, когда его дали.

К тому же эта соседка лезет со своими учтивыми: «Как дела?» и прочими вопросами в том же духе.

Его бесило, что она смотрит, как он разогревает на плите свою вчерашнюю еду, а ее раздражало, что он пользуется ее конфоркой без спроса.

Напряжение росло, и когда молодые люди погасили свет, чтобы лечь спать, слово за слово завязалась беседа, имевшая

печальные последствия.

Для него все началось как игра, но для нее это было все-
рьез...

– Хочешь знать, как у меня на работе? Если вкратце, то
цитирую стишок, не обессудь:

«Товарищ, нервы зажди в узду!
Придя на работу – не ахай.
Выполнил план – посылай всех в пизду,
Не выполнил – посылай на хуй».

– Кошмар какой, – прокомментировала соседка.

– Я думал, ты хотя бы рассмеешься.

– Прости, но для меня это все не весело.

– И че?

– И ниче! – сорвалась Кристина. – Шизик голимый, я уста-
ла от тебя и от твоего дерьма. Здоровый кабан, а строишь из
себя всеми покинутого чмошника.

– Плакать, надеюсь, не будешь?

– Пошел ты!

– Все мы своего рода шизофреники: говорим одно, а де-
лаем другое, – проговорил в задумчивости Павел, наслажда-
ясь тем, как причиняет боль своей соседке. Будет знать, как
выводить пахана из себя. – На людях мы приличные, или на-
оборот – плохиши, но наедине с самими собою можем быть
как извергами, так и непонятыми святыми. История доктора

Джекила и мистера Хайда¹² – не она ли лучше других иллюстрирует то, что может произойти, доведи мы самих себя до крайней степени раздвоения? Вот она, картина того, что такое внутренний конфликт на полную катушку. После триумфального шествия «Доктора Хауса» по планете уже ни для кого не секрет, что все врут. А зачастую вранье, как показывает этот сериал, необходимо. Но... можем ли мы назвать двойную жизнь эдакой безопасной формой шизофрении? И если да, то как долго она безопасна? Есть ли у тебя об этом какие-то мысли? – забалтывал он Кристину, чувствуя, как хрустят ее нервы под тяжестью его слов.

– Да, есть, – сухо и не без гордости сказала она, пребывая в странной для Павла задумчивости.

– Какие же?

– Ну, ты б к психологу сходил, что ли.

– Хе-хе. Дорогая ты моя, пусть лучше гора идет к Магомету, а не наоборот, – презрительно бросил он, думая, что эта уродка никуда от него не денется. Боже, каким самонадеянным был Павел в ту минуту. – И, если уж на то пошло, я тут поговорил с ребятами насчет тебя, и вот тебе ответный укол: скажи, мог бы твой горячо любимый муженек принять тебя такой, какой ты стала, или хотя бы притворяться, что

¹² Отсылка к готическому произведению Роберта Стивенсона на тему раздвоения личности. «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», опубликованная в Лондоне зимой 1886 года, глубоко проникла в массовую культуру, неоднократно экранизируясь и обыгрываясь на театральной сцене. Оззи Осборн в альбоме «Ozzmosis» 1995 года выпустил песню «Мой Джекил не прячется».

способен на это? А?

– Скотина! Урод! – взвизгнула Кристина, будто получила оргазм, но на самом деле получила нож в спину.

«Господи, какое коварство... Делить со мной кров, не считая меня за человека. Но ладно это, но чтобы интересоваться втихомолку моей личной жизнью! Нет, завтра я съезжаю», – думала девушка в сердцах, чувствуя, что вот-вот заплачет.

Тут раздался стук в стенку. Вика то ли проснулась, то ли не могла заснуть оттого, что эти двое выясняли отношения там, где никаких отношений и не было вовсе.

Недолго думая, Паша постучал в стенку, что называется, «в обратку» – ему явно было сейчас не до этой обезьяны, которая, видите ли, не могла уснуть. Если говорить начистоту, то ему не нравился ее обезьяний стрекот, который раздавался уже часов в семь утра.

Но что-то много чести для удмуртки. Пора возвращаться к Кристине:

– Ты так говоришь, потому что знаешь, что нет! – кричал Павел. – Он, может, и пытался, но не смог обманывать ни тебя, ни себя. И это пора признать! Так что кто из нас строит всеми обиженного и оскорбленного, это большой вопрос.

– Знаешь, наверное, ты прав. Давай закончим все это.

– Звучит, как будто мы тут устроили реалити-шоу, – сказал Павел, чувствуя, что запахло жареным. Но было поздно.

– Завтра я отсюда уеду, и тебе больше некому будет говорить гадости. Сможешь жить как хочешь, сколько тебе вле-

зет, – сказала она, расплакавшись.

Концерт был окончен.

– Ну и в путь. Вещички помочь собрать? – спросил Павел, пытаясь скрыть шок от услышанного.

– Спокойной ночи, сосед.

Утром, ни свет ни заря, она собрала вещи и, ни у кого не попросив помощи, ковыляя на костылях, ушла. Куда, он не знал, но понимал, что ей придется возвратиться хотя бы еще раз – за остатками вещей. Просидев всю субботу, ожидая возвращения Кристины и упрямо не желая позвонить ей, чтобы попросить прощения, Павел лег спать в полном одиночестве.

Завтра он прогуляется по городу, зайдет развеяться к какому-нибудь корешу, а в понедельник уже и думать забудет о своей экс-соседке.

4

Паша давно заметил, что чем беззаботнее и слаще сон, тем обиднее будет реальность. Так и следующим утром: ему снилось, что они с Кристиной вместе и, мало того, что она нормально ходит на двух ногах, так и на улице не зима, а лето.

Но когда-то нужно просыпаться, верно? Ведь если ты не просыпаешься, значит, ты уже мертв. Как бы там ни было, очнулся молодой человек в комнате, в которой было все как всегда. Разве что не было ни чайника, ни конфорки, ни Кри-

стины – да-да, ему ее не хватало.

Еще вчера он бил себя пяткой в грудь, что у него будет классный воскресный денек, но, когда этот денек наступил, Паша вдруг почувствовал себя ленивым стариком. Впервые за всю свою жизнь он буквально заставил ноги отнести себя в ванную. И если позавчера он мылся без света потому, что Жорик еще не протянул провода с соседнего дома на этот, то сегодня Павлу просто не хотелось включать свет.

Как назло, вылезая из ванны, Паша поскользнулся и упал. Нога заболела, но он счел, что так ему и надо.

Глава 5

– Сволочь вы!

– Лично я вылечил больного. А ты?

– Как можно просто так взять и бросить Уилсона? Ведь знаете, что вы ему нужны! То, что он сделал неправильный выбор, – он просто не хочет жить в боли.

– Жизнь – это боль! Я просыпаюсь каждый день с болью, хожу на работу с болью. Сказать, сколько раз мне хотелось послать все к черту, свести счеты с жизнью?!

Из сериала «Доктор Хаус»

1

«Так, где я? – напряженно думал Паша. – Ага. Палата. Утро. Странно, что один. О, руки-ноги шевелятся. Траванулся, видать. Жаль, что не насмерть. М-м-м, хорошенькая. Попробуем не терять лица и выбраться отсюда поскорее».

– Ну как, я небось похож на алкаша, уставшего от жизни?

– Похож на дурака, который пытается наделать ошибок, которые потом будет не исправить.

– О, так это как раз то, что мне нужно!

– Молодой человек, зря вы себя губите. У нас таких, как вы – пачками, то после сала с водочкой, то после «Ягуаров»

вперемешку с коньячком и энергетиками. – Невысокая медсестра многозначительно посмотрела на него своими карими глазами, давая понять, что второй вариант – это как раз его случай. – Если вы хотите произвести на врачей впечатление, то уж будьте добры, извольте лечиться.

– Интеллигентка чертова! – бросил он хорошенькой медсестре, покраснев от стыда и вместе с тем улыбнувшись.

– Как знаете. Сейчас лечащий придет, вот тогда вы и поговорите с ним на одном языке, – подмигнула ему девушка, поставив капельницу.

– Ай, больно же!

– Ну, я рада.

– Садистка!

– Напротив. Раз вам больно, значит, вы еще живы. Не дергайтесь... – мгновенно посерьезнев, приказала она. От флера вчерашней школьницы не осталось и следа. – Если иголка съедет, тогда крикнете. После диализа будете как новенький, – улыбнулась пациенту медсестра, вновь став похожей на какую-нибудь из его вчерашних подружек.

– Это вы как опытная врачиха, недавно закончившая фельдшерский колледж, говорите?

– Смотри, остряк. Шутку про «Боржоми» помнишь? Так вот, печень не вечная. И жизнь нужно ценить. Только у таких, как ты, это приходит с опытом.

– Телефончик свой оставишь?

Вместо ответа она показала ему средний палец и, попра-

вив свои черные волосы, пошла на пост.

«А может, пить чай или обслуживать очередного больного», – подумал Павел и, поняв, что скоро останется здесь совсем один, решил извиниться.

– Эй! – поперхнувшись от сухости во рту, окликнул ее молодой человек. – Спасибо, что побыли со мной, и за помощь!

– Стараемся... – ответила она, вложив в это слово столько преданности сестринскому делу, сколько смогла.

– Ты хорошая, – мяукнул он едва слышно от нахлынувшей слабости.

Услышала похвалу медсестра или нет, но, как отметил Паша, формы у нее были что надо!

С ее уходом он вновь ощутил вкус к жизни. «Но почему, чтобы понять ценность чего-то, нужно это самое почти потерять? – безмолвно спросил он себя и загрустил. – Неужели все будут уходить от меня так же, как эта медсестра? Как... Кристина? Не хочу этого больше. Зря ее обидел».

По венам из пакета шел непонятный раствор. Испугавшись, что иголка выскочит, а он в это время уснет и не проснется, а значит, не попросит у Кристины прощения, Павел постарался не шевелиться и, застыв, ощутил, как в него хлынул поток головной боли. Тем временем голова все тяжела и тяжела, а он, сам того не заметив, уснул.

Очнулся он уже в другой палате, причем чувствуя себя гораздо лучше. Ни капельницы, ни медсестры у постели больного не было. Только пара красных точек, покрывшихся коричневой коркой, – следов от уколов, – напоминали о процедуре.

«Ага, прочистили организм, который я засрал», – решил Павел, приподнимаясь с кровати. Казалось, он проспал всего несколько часов, потому что комната была залита дневным светом, сквозящим через занавески больничной палаты.

– Эй, парень! – обратился он к мальчику по соседству, игравшему в PSP. – Сколько времени и какой сегодня день?

– Три часа дня. Утром был четверг, чувак, – ответил геймер и, выключив переносную игровую приставку, задремал под звуки музыки из MP3-плеера.

То, что услышал Паша, пробудило его похлеще любого энергетика. Ничего себе, проспать здесь целых четыре дня! «Так дело не пойдет. Где моя одежда?» – подумал он и в одних трусах и тапочках вышел в коридор.

– Молодой человек, вам кто разрешил вставать?! – Раздался громоподобный голос медсестры средних лет. Стрижка ее была короткой, а щеки отвисшими, как у мопса.

– А что если мне нужно нужду справить, тоже разрешения придется спрашивать?

– Трое суток писал в утку и ничего, а тут осмелел. Плавали, знаем, – заткнула парня за пояс тетка в зеленом халате.

Проглотив оскорбление, Павел настойчиво попросил свою одежду и потребовал выписки. Медсестра сходила в подсобку сестры-хозяйки, откуда вынесла молодому человеку его вещи, небрежно засунутые в рваный продуктовый пакет.

– Про выписку – это не ко мне.

– А к кому?

– Моя смена закончилась пятнадцать минут назад, – сказала тетка, протянув пакет с вещами. – Сейчас зайду в ординаторскую, позову лечащего врача. Пообщаетесь насчет выписки. Марш в палату!

– А куртка где?

– В гардеробе поищи, – сухо ответила женщина-мопс.

Покорившись приказу, наш страдалец вернулся в палату. В дверях он столкнулся с человеком, о котором подумал, что это сменщик медсестры.

– Ой, извините.

– Взаимно.

Обменялись любезностями. И только когда Павел лег в кровать, укрывшись шерстяным одеялом, до него дошло, что в руках у вежливого медбрата оказался МРЗ-плеер спящего крепким сном парнишки.

«Приватизировал. Скоммуниздил. Увел. Вот гандон!» – скрипя зубами думал Павел. В следующую секунду он вы-

скочил в коридор, но медбрата и след простыл.

– Куда вы все носитесь, вернитесь на место! – приказал непоседливому пациенту мужчина, приближающийся к палате Павла. В руках его была история болезни и бумаги на подпись.

Выписка маячила на горизонте, но Пашу теперь больше занимала судьба мальчишки, который еще не знал, что лишился вещи.

Одевшись и подписав необходимые для выхода на волю документы, наш борец за правду зашагал по холлу больницы, стараясь не отставать от доктора. Доктор, по представлениям Павла, должен был разобраться в ситуации и прищучить засранца...

3

Но не тут-то было.

– Ну что же мне поделать? Не пойман – не вор, – развел руками доктор, всем своим видом показывая, что не является супергероем.

– Но я же видел!

– Учту.

– И только?

– А чего вы хотите?

– Справедливости, наверное, – не слишком уверенно ответил Паша, заметив, как мимо прошел... священнослужи-

тель. Было около четырех часов дня, а значит, тихий час в отделении подходил к концу. Расписание на стене возле сестринской указывало, что с четырех часов по распорядку шел полдник.

«Все понятно. На очереди пища духовная...» – со свойственным ему цинизмом пациент объяснил появление священника в рясе.

– Для кого справедливости? Для себя или для того парня? – задал вопрос доктор, продолжая беседу.

– Не морочьте мне голову... Я вам повторяю, медбрат украл плеер у соседа по палате. Вы же заведомо. Пойдемте с ним на разговор... или устройте летучку... – Паша начал заметно раздражаться.

– Тише... тише. – Доктор, держа в руках историю болезни, сделал два легких шага навстречу Павлу и, приобняв его потцовски, проговорил: – Давайте мы присядем вот здесь, я вам кое-что расскажу.

Двое сели в мягкие кресла посреди коридора. Напротив одного из них стоял телевизор. Выключенный, он будто пребывал в коме.

– Сказку? – с притворным удивлением молодой человек вскинул брови.

– Афоризм, – улыбнулся ему доктор, хотя глаза остались внимательными и не потеряли серьезности. – Когда я был в вашем возрасте или около того, то слышал такую вещь: «Жизненный опыт – это масса ценных знаний о том, как не

надо себя вести в ситуациях, которые никогда больше не повторятся».

– Ага, то есть вы не будете реагировать на кражу плеера у больного, потому что жизнь так устроена? – спросил Павел, наблюдая за тем, как старик пошел в процедурный кабинет получить укол, дождавшись своей очереди. Другой – тот, который вышел из кабинета с улыбкой, потирая ваткой со спиртом вену на локте после капельницы или забора крови, улыбнулся другу и сказал:

– Расслабься и получай удовольствие, Петруха!

Далее раздался смех сидящих в коридоре. Под занавес Петруха прошел в кабинет, и больше Павел его не видел.

«М-да, тут, похоже, действительно никак без чувства юмора и терпения – всем на тебя наплевать», – подумал Паша и в ту же секунду услышал ответ врача:

– Нет. Скорее потому, что в нашей больнице и так работать некому. А хороших врачей и того меньше. Но даже плохой персонал может быть полезным на побегушках. Хотите справедливости? Я тоже хочу. Но приходится радоваться тому, что есть, и стараться, чтобы не было хуже.

– Это все понятно. Мне вот только интересно, как *вы* до такого дошли? Вы же тут главный, так поработайте со своими подчиненными. Или побойтесь Бога, что ли.

– Плеер-шмеер... – Завотделением оправил очки. – Молодой человек, мы тут людей лечим, а не разводим руками тучи. Мне жаль, что такое произошло. Я вам верю, но по-

мочь здесь не могу. Скажите, я вам достаточно понятен?

– Да. Но не в полицию же идти... Сегодня плеер, а завтра что?

– Завтра будет завтра. А не дай бог попадете к нам еще раз подлечиться – тогда вот и поговорим. И если вам будет плохо, или я, прости Господи, не справлюсь, или откажусь вам помочь (боже упаси), вот тогда вам будет что мне предъявить, и я за все отвечу, сняв перед вами шляпу. Чувствуете разницу?

– Что ж... Спасибо, что нашли время все объяснить. В таких местах это, думаю, бывает важно.

– Будьте здоровы, – ответил врач совершенно искренне и так же искренне недоумевая, как порой люди могут быть настолько недалекими и дотошными.

На этом беседа двух господ была закончена, и один, за неся историю болезни на медицинский пост, направился в сестринскую, а второй, думая о несправедливости мира, поспешил к выходу.

4

Медбрат с довольной ухмылкой выбежал на улицу. «Больные на то и больные, подождут. Пора бы мне сбегать за кофе да покурить», – подумал он, наполняя легкие свежим воздухом с улицы. Ну то есть относительно свежим. С каждым шагом запах медикаментов, окружающий больницу аурой смер-

ти, становился все незаметнее, а вернее, перебивался запахом шавермы из кафешки через дорогу. Туда он и бежал в своих кроссовках. Разумеется, тех, в которых он блуждал в отделении – статус дает тебе преимущество игнорировать правила и находить свои лазейки.

«Столько работы, трудно найти минутку для себя. Вокруг эти скрипящие бабки, инвалиды и прочие. Определенно, себя тоже надо беречь», – думал он, скользя к пешеходному переходу по первому снегу, который сперва растаял, а потом, превратившись в лужу, замерз.

Не обращая внимания на загоревшийся на светофоре красный свет, а вернее, пребывая в уверенности, что с ним ничего не случится, медбрат ускорил бег и, задумавшись о том, каким хорошим музыкальным вкусом обладает больной, у которого он взял послушать плеер, не заметил, как оказался под колесами «капсулы смерти», за рулем которой сидел гость из Средней Азии.

В последнюю момент, уже стукнувшись головой об асфальт и ощутив боль в руке, за секунду до отключки он услышал визг колес, которые продолжали тормозной путь. Звук этот, пробиваясь сквозь музыку в его ушах, доносился откуда-то со стороны...

Как же хорошо вновь выйти на улицу из этого мрачного места! Павел не мог нарадоваться такому банальному, казалось бы, событию. «Как же много можно пережить за один такой день», – думал он, как вдруг крики и чей-то визг об-

ратили на себя его внимание. Повернул голову он как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как человек в знакомом ему белом халате и сине-зеленых штанах полетел на бордюр, стукнувшись о передок маршрутки.

Не помня ни себя, ни своей недавней радости от долгожданной свободы, Павел что было сил побежал к пешеходному переходу, удивившись, как быстро замедлилось время. Вдруг до него дошло, что происходит, и он, на полпути остановившись, понесся обратно в больницу, а оказавшись там, сорвался на крик и все же объяснил, что медику нужна помощь.

– Задавили?

– Да. Задавили! Сам видел!

– Так, сейчас все решим. Ребята, там кого-то из наших, говорят, переехало...

Немного отдышавшись, Павел побежал на место происшествия. Время вновь обрело привычный ход, тогда как движение машин на дороге остановилось.

«Удивительно, как много можно уместить в одну секунду», – подумал Павел свою недавнюю мысль, оказавшись в гуще событий.

Народ, собравшийся на дороге, вел себя довольно прилично и активно. Бедному водителю маршрутки хватило ума не уходить от аварии, и тем не менее лоб его покрылся потом, и он не знал, что делать. Кто-то вызывал полицию, раздавались крики о том, что нужна «скорая». Пассажиры смешались с

прохожими, автомобилисты иногда сигналият. В общем – абсурд на ровном месте.

– Вот тебе на!.. Он жив? – спросил Павел, узнав в пострадавшем того самого гада, который наглým образом украл плеер у мальчишки в палате.

– Черепушка вроде бы цела, но ободрался рукой неслабо, – ответил ему кто-то.

Но что это? Посмотрев под ноги, наш герой заметил перед собой валяющийся МРЗ-проигрыватель.

– Вот тебе на! Из-за такой мелочи... Даже наушники на месте... Надо его отнести, – пробормотал себе под нос молодой человек и, подняв с дороги устройство, получил толчок в спину.

– Мужчина, отойдите! Ой, извините.

Бригада «братьев по оружию» загребла пострадавшего и поспешила отнести в больницу. Эти ребята знали, что делать и что каждая секунда дорога.

Сориентировавшись, Павел догнал врачей и положил в карман одного из них гаджет.

– Вы что, совсем?! Не лезьте под руку!

– Я-то как раз в норме! Ваш коллега украл этот плеер у парня из семнадцатой палаты, в отделении на третьем этаже! Я только что оттуда, выписался. Верните мальчику его игрушку, очень прошу. А этот, скорее всего, просто музыку заслушался. Понимаете?

Но тех и след простыл. И даже если они его слышали,

то ничего в ответ не сказали. Потому что понимали: время – конструкция гибкая, с каждым может произойти все что угодно, и одно мгновение может обойтись кому-то очень дорого.

Плюнув, что называется, в сердцах, Павел пошел прочь. Нужно было добраться до метро, а оттуда обратно на Вознесенский...

– Это ж надо! Да и Кристины нет дома. Боже, что же я наделал со своей жизнью?! Зачем испортил жизнь ей?

Совершенно раздавленный и даже сожалеющий об участии медбрата, который справедливо получил по заслугам, Павел собрался с духом и продолжил свой путь.

* * *

В тот же день медбрат пришел в сознание в реанимации родной больницы и увидел злополучного священника. Раньше, как и Павел, он не видел в нем надобности в стенах учреждения здравоохранения, а теперь, к своему удивлению, относился совсем иначе. Вот так, в одну секунду – только придя в себя. Он понимал, глядя на мужчину с добрыми карими глазами и все в том же зеленоватом балахоне с крестом на груди, что жалок, и расплакался.

Священник спустя пару минут подошел к нему и, оценив состояние, сказал, что может понять его чувства и не видит в его слезах ничего постыдного.

Уже от одного этого медбрату стало легче. Обретя речь и совладав со слезами, вызванными не столько ломотой и нытьем ватного теперь тела, а угрызениями нечистой совести, молодой человек поблагодарил священника и с грустью повернул голову к тумбочке у изголовья кровати.

– Никогда бы не подумал, что окажусь на месте пациента. Думал, что не так-то им и тяжело, – сглотнул комок покалеченный собственным высокомерием парень. От этого легче не стало, ибо рядом с ним лежал украденный плеер. В очередной раз разрыдавшись и стараясь не смотреть от стыда в светлые глаза батюшки, он сказал: – Помню, в училище мне казалось, что этика – это несерьезная болтовня об идеальном, не имеющая никакого отношения к реальности, – проговорил воришка, вновь посмотрев на украденный им девайс.

Сотрудники не поверили словам Павла о краже и оставили «игрушку» попавшему в переделку товарищу. «Если это правда, пусть сам решает, как распорядиться тем, что ему не принадлежит», – негласно решили они.

– Прошу, отнесите плеер в семнадцатую палату к тому мальчишке с заботливой мамой. Они наверняка ищут. Скажите, что это я его спер, – говорил и говорил медбрат, тогда как батюшка, поняв его с полуслова, взял гаджет и, глядя на разбитый экран, попытался его включить.

– Все работает, даже музыка играет. Экран слегка пошкрябан. Но это поправимо, да и у вас все заживет. Дайте се-

бе время, и сами себе удивитесь, уверяю вас, – сказал он и в благотворной тишине, заполнившей палату, удалился искать владельца «мптришки». Остаток дня ему хотелось размышлять о вечном и жизненных коллизиях, сопровождающих все бренное...

Глава 6

Любовь – вещь идеальная, супружество – реальная; смешение реального с идеальным никогда не проходит безнаказанно.

Иоганн Вольфганг Гете

1

Поднимаясь по лестнице в двадцать пятую квартиру, Паша чувствовал странный трепет предвосхищения – так бывало, когда ребенком ожидал подарков от Дедушки Мороза под еще пахнущей лесной жизнью елкой.

Тем временем в подъезде пахло не елочкой, а борщом и жареной картошкой – вот он, русский дух.

– Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда, – проговорил Павел сам себе избитую вещь, вставив ключ в дверной замок. «Интересно, – подумал молодой человек, – я столько убивался о прежних своих отношениях, а стоит потерять из виду Кристину, так эта моя потеря кажется совсем невосполнимой. Хотя мы всего-навсего соседи. Были», – закончил внутренний монолог парень.

Дверь отворилась, и он вошел в квартиру.

Как ни странно, он был рад возвращению домой. Оно и

понятно – это куда лучше, чем смотреть на аппетитных и заботливых медсестричек, которые тебе никогда не достанутся, или видеть, как сбивают человека на дороге, а время растягивается, будто жвачка.

Даже кашка Бендера, на которую он чуть не наступил, не испортила ему настроения.

– Дом, милый дом. Вот и объяснение моему радостному возбуждению, – сказал он, попытавшись включить свет в коридоре.

Но не тут-то было.

– Можешь не стараться, лампочка сдохла. Здравствуй, – сказала ему Вика, собиравшаяся, как видно, готовить на «Мечте» свою вонючую рыбу.

– А, Вика, здравствуйте.

– Где ж ты был?

– Ой, не спрашивайте. Болел, – ответил Паша, стараясь поскорее уйти от разговора и просочиться к себе в комнату.

По-прежнему находясь в приподнятом настроении, он зашагал к вожделенному жилищу. Павел уже видел, как вскоре приведет его в соответствие со своими вкусовыми пристрастиями: на стене появится плакат с молодыми ребятами из «Black Sabbath» – разумеется, в оригинальном составе, где на вокале старина Оззи Осборн; Алину он попросит нарисовать ему какой-нибудь рисунок, а обои он возьмет и переклеит...

И больше никакой бабьей фигни по типу халатиков на

гвоздике, косметичек и целой стайки самых разных шампуней для одних и тех же волос. Но что это, музыка? Неужели, пока его не было, Алевтина Эдуардовна поселила кого-то в его комнату?!

Не зная, что думать, Паша открыл дверь и обомлел, когда увидел за ней Кристину.

– Сюрприз! – сказала она первой.

– Еще какой. Ты как здесь?

– А я вернулась. Приехала и смотрю, а тебя нет. Только пустые банки из-под «яги». Звонить тебе не стала, да и не могла, потому что номер твой, естественно, удалила.

– А дальше?

– Дальше спросила у ребят, где ты вообще, а они говорят, что не знают и что вообще ты взялся бухать и ушел куда-то. А где ты был, кстати?

– В больнице. Перепил, – вымолвил Павел, вспоминая, как бывший алкоголического вида сосед говорил, что это место заставляет возвращаться обратно. – Я скучал по тебе. Прости, что обидел. Ты была права во всем.

– Ну, не во всем... – помялась Кристина. – Так и будешь стоять? Садись.

– Ща... – ответил Павел и, не раздумывая, взял да обнял свою соседку.

Несколько секунд она недоверчиво сопротивлялась, а потом оставила попытки и потянулась навстречу.

– Эй, ты чего? Хотя знаешь, мне приятно. Я уже забыла,

каково это.

– Вот и здорово, а теперь можно и посидеть. Удивительная неделя была, ей-богу!

– Когда ж тебя накрыло-то?

– В воскресенье. Нажрался только так.

– Из-за меня?

– Да, и из-за того, что сам себе был противен.

– Чайку? – предложила Кристина.

– А то! – Паша улыбнулся. – Классно, что ты вернулась. Хоть покушать можно себе приготовить теперь нормально.

– И не говори. Вот, значит, для чего я тебе нужна, – ответила Кристина, после чего оба рассмеялись.

2

Чайник вскипел быстро.

– Знаешь, мне всегда трудно говорить на какие-нибудь личные темы. Будто бы несмелый девственник, но я правда рад, что ты вернулась.

– Спасибо, а то я не заметила, – подмигнула девушка, довольнo улыбнувшись.

– М-да. Ну так вот. Я, когда поднимался домой сегодня, чувствовал так... офигенно, что ли. Думал, это от радости, что я дома, а теперь знаю, это потому что ты тут.

– Ты прям как вдохновенный поэт.

– Видела бы ты меня в воскресенье... Тогда бы сказала,

что я одинокий спившийся поэт. — Он кисло улыбнулся. — Понимаешь, мне было стыдно за ту боль, что я тебе причинил. А позвонить извиниться духу не хватило. — Паша рассмеялся. — Ты чего? — спросила Кристина, подумав, что он ржет над ней и вся его пафосная речь — это очередной прикол.

— Да просто вспомнил, как мы начали ругаться и ты назвала меня шизофреником. Иной раз я и правда думаю, что мне пора бы к психологу. Помнишь, ты меня отправляла?

— Было дело. А чего не сходишь, дело-то хорошее?

— Предвзято я к ним отношусь, понимаешь ли. Я ведь сам учился на психолога пару лет и...

— И?

— И потом бросил.

— Потому что понял, что это не твое? — предположила собеседница, поправив сережку.

— Скорее понял, что правда никому особо не нужна.

Помолчали.

— В общем, болтовня про подсознание и проникновение в чужие извилины не для меня, — продолжил Павел. — Да и психиатры те еще ребята. Нет, я за них рад, что они врачи и лечат людей, берегут их мозгушки от галлюцинаций и все такое, но ведь то, что видят больные люди, в их восприятии так же реально, как мы с тобой друг для друга. Все эти симптомы, синдромы и надежда на то, что мифическая универсальная таблетка исправит ситуацию...

– То есть психов можно даже и не пытаться вылечить, так, что ли?

– Я не так сказал. И с каждым годом дела в медицине идут все лучше, но ведь, посмотри, прогресс науки не означает автоматического улучшения нашей с тобой жизни. Конечно, можно говорить, что мы сами куем свое счастье, – это да, но также верно и что мы те, кто мы есть. И поэтому, как ни старайся, я не куплю себе яхту, а у тебя... не отрастет твоя нога.

– Что есть, то есть, – кивнула Кристи и посмотрела в окно, уставившееся в освещенное светом фонаря фиолетовое небо. Снежные хлопья сыпали гроздьями. Одни прилипали к поверхности, пока вторые падали дальше. Третьи напоминали прохожих, заглядывающих с любопытством в стекло, за которым скрывалась чужая жизнь.

Молодые люди продолжили разговор:

– И все эти открытия, изобретения, факты и объяснения... неужели их достаточно, чтобы понять мир? Даже самый чуткий, гениальный ученый способен совершить ошибку. Потому что и он тоже – человек. Если наука будет считаться за истину в последней инстанции, то это неизбежно скажется на всех нас. На искусстве, на религии..

– Но также можно сказать, что популяризация религии ни к чему хорошему не приведет.

– Котреарх перил?

– Не совсем... Если включить НТВ, то можно с радостью

узнать, где открылась очередная секта и на каком кладбище какие подростки-сатанисты насаживают кисок на крест.

– Правильно. И поэтому искусство, наука и религия должны идти рука об руку в изучении происходящего. Чтобы понять мир, недостаточно изучать человека, природу или технику. Нужно изучать жизнь. Вот чего никак нельзя упускать.

– Проблема в том, что она так же неуловима, как бозоны Хиггса, – дополнила мысль соседа Кристина, расстилая себе постель. Наблюдая за ней, Павел нашел, что есть очарование в том, как ловко она прыгает на одной ножке.

– Однако это все, что у нас есть. И говорим сейчас с тобой об этом, а не о чем-то другом. Почему мы? Почему здесь? – спросил он подругу, разглаживая ей непослушный уголок простыни.

– Да ты, оказывается, философ!

– Ага, экстра-класса, – засмеялся Паша. – Я просто узкий специалист.

Когда оба улеглись каждый на своем месте, он выключил свет. Комнатка погрузилась в приятный полумрак, разбавленный ромбовидными отблесками света на стенах.

3

Им не спалось и хотелось общаться.

– А почему вы расстались? – через какое-то время спросила Кристина.

– Москва не сразу строилась. Плюс спешка, ну и, наконец, я играл не свою роль.

– Как понять?

– У нас все было искренне. Но при этом для меня знакомство с ней, а затем и переезд к ней для совместной жизни было таким чудом, такой новинкой, что я не вполне был к нему готов. И, за недостатком опыта, последовало, что я играл того мужчину, портрет которого она себе нарисовала, увидев его черты во мне.

– И что, все это время ты ей врал?

– Нет, я же сказал, все было от души. Но при этом я старался быть для нее таким, каким она меня видела, а не самим собой. Понимаешь? Я сам загнал себя в угол, ведь если любишь, то не надо подстраиваться под того, кто любит тебя. Живя вместе, вы учитесь уважать друг друга такими, какими есть.

– Но разве это не отмаза для того, чтобы сидеть на попе ровно?

– Почему?

– То бишь: не меняй меня, я такая, какая я есть. Не умею готовить, ну и что? Такова моя уникальность и т. п.

– А-а-а, вот ты о чем. Не, люди в паре развивают друг друга.

Если ты уважаешь мое пространство, то я буду уважать твое. И эта атмосфера доверия поможет захотеть меняться в лучшую сторону для того, кто тебе важен. При условии,

что все взаимно. Но, что бы я тебе ни болтал, факт остается фактом: я – социальный debil, с которым лучше не иметь дела.

– Ха-ха-ха! С чего бы это?

– Просто я неуживчивый, агрессивный и раздражительный чел. Притом, заметь, я без высшего образования и работаю в колл-центре. Прямо скажем, экстра-класса работник!

– Как ты самоласково!

– Ну, от вас-то ласки не дождешься... – намекнул парень игриво.

– ...сказал социальный debil, возжелавший стать изгоем, – подколола его соседка.

– Да, и правда забавно. И все-таки оно так и есть.

– Сомневаюсь... Если тебе не удалось справиться с агрессивностью, значит, это та часть тебя, которая тебе полезна. Сейчас сужу по себе, без обид.

– Да не вопрос. Что ты хочешь сказать?

– По твоей же логике, отношения – это штука обоюдная. Так что себя винить ни к чему. Когда больно, то все выглядит иначе: начинается нытье – ужас, Господи помоги. Но стоит тебе только стать счастливым, как эйфория заставляет жить легко и просто – только для себя. И сразу нет дела ни до того, что другим может быть нужна помощь, ни до того, что сам можешь оказаться в жопе сию секунду.

– Стремная картинка, но идея ясна...

– Да?

– Да. Ты же о себе начинаешь говорить, так?

– Ну да.

– Расскажи, если можно, как ты тут оказалась и что с ногой?

– А утром опять будешь ругаться, что я Одноножка, которая мешает спать?

– Может, да, а может, и нет, – усмехнулся Паша. – А только что говорила, что агрессивность мне на пользу. Что поделаться, попробую очеловечиться и быть добрым.

– Играть роль?

– Нет. Ты не создаешь мне рамок, не делаешь запретов. Так что я сам этого хочу.

– Но если не получится... – Заволновалась соседка, собираясь с мыслями.

– Рассказывай уже, – подбодрил парень. – Мне не терпится уснуть под твою безумно интересную историю.

– Ладно. Тогда слушай...

История Кристины была проста и не нова. Разве что кончилось все чуть более трагично, чем у тех семей, которые просто развелись, погрустили и начали жить заново. Попав в аварию, девушка потеряла ногу. А затем и мужа.

Слушая ее голос, Павел пытался перенестись с ней на пять лет назад, в то время, когда она была здоровой и счастливой. По ее словам он понял, что Кристина была девушкой, которая любила раз и если не навсегда, то всерьез, искренне и

надолго. Слезы, которые катились по ее щекам, доказывали это, и когда он захотел ее утешить, девушка отвернулась и попыталась успокоиться сама:

– Мне пока сложно принимать ласку... Став инвалидом, учишься надеяться только на себя.

«Как будто остальным не приходится этому учиться», – подумал про себя Павел, чувствуя, что если беседа продлится в подобном ключе, то он сам вскоре заплачет.

– Ничего, ничего. Если хочешь, расскажешь потом...

– Суп с котом. Встречаться мы начали еще в школе. Потом поступили в Политех. Понимаешь, это было... так, будто мы были реально созданы друг для друга.

– Бывает, – ответил с тяжестью в голосе Павел, обрадовавшись, что темнота скрыла его слезы от девушки, лежавшей совсем рядом... Но все же на своем диване.

– Между сессиями знаешь, как было здорово, – объездили всю Россию. Помню, он мне подарил карту, и мы решили, что к тому времени, когда у нас появится ребенок, на ней хотелось бы оставить минимум нехоженных мест. Закончив учебу, мы поженились. Пару лет вместе, а потом эта фигня случилась, и все так жестко обломалось.

– Представляю...

– Как? Ты что, был женат?

– У меня тоже были свои надежды, которым не суждено было сбыться. И мне тоже было больно.

Кристина опять тихонько заплакала. Не удержавшись, он

погладил ее по голове, провел рукой по волосам.

– Ведь он же неплохой был... я не понимаю, как так можно. Десять лет вместе... и все из-за ноги..

Павел тоже не понимал, как можно было бросить любимую женщину, особенно когда знаешь ее со школьной скамьи. Он пытался представить себе Кристину шестнадцатилетней школьницей, которая в те дни жила и не парилась, не зная, что с ней произойдет лет так через десять.

– А сейчас тебе сколько, двадцать шесть?

– Двадцать семь. Исполнилось недавно.

– А сама как думаешь, он тебя реально бросил чисто из-за травмы или это было поводом от тебя отмахнуться?

– Не знаю... Мне только кажется, что я бы, окажись на его месте, себе такого не позволила. Может, он тогда уже и не хотел ничего.

– Или просто испугался. Он же столько времени знал тебя совсем другой, а тут такое... и это на всю жизнь.

– Ох, не знаю... – в очередной раз вздохнула она.

– Так, а потом, вы стали общаться?

– Нет. Это он дал понять мне четко, мол, привет семье, а тебе всего хорошего.

– Так почему же тебе до сих пор грустно?

– То есть как почему? Потому что все было хорошо, а потом все так же резко оборвалось и стало плохо.

– Но ведь семейная жизнь не гарантирует тебе счастья.

– Пожалуй... Но вся эта случайность с аварией. Из-за та-

кой мелочи такие последствия!

– Ой, да ладно тебе. Не верю я в случайности. Вон, смотри, в свое время военные психологи составили портрет Гитлера, чтобы спрогнозировать, как он будет себя вести и понимать, чем война кончится.

– И что теперь? – спросила Кристина с некоторым возмущением.

– Да то, что стало ясно, что этот парень покончит с собой. Нам сейчас легко об этом говорить, а ты попробуй предсказать это тогда, когда этого еще не произошло. Я тебе больше скажу, дай такой прогноз какая-нибудь Ванга, прикинь, все бы сошлось – получилось бы, что и наука, и непонятная бабка разными путями пришли бы к одному и тому же. Весело?

– Но ко мне-то это как относится, не пойму?

– Мне просто кажется, что случайности не случайны. И у каждого человека по определению готово свое будущее, которому нужно только дать время, чтобы оно произошло. А иначе человечество – всего лишь бессмысленный муравейник, в котором каждый развлекает себя как может, а для чего – непонятно.

– М-м-м. – Кристина задумалась. – То есть у меня нет гарантии, что, не попади я в аварию, муж не ушел бы от меня позже?

– Вот именно!

– Хорошо... – задумчиво согласилась она, как бы пробуя его вывод на вкус.

– Знаешь, я вот лежу тут и сравниваю две наши истории. Сравниваю, чтобы убедиться, что я был мудаком, который недостаточно старался для счастья любимого человека. Таким дурнем, что теперь не хочется вспоминать даже то хорошее, что у нас было.

– Ставить крест на своем прошлом? Очень умно. – Девушка проплакалась и пришла в себя.

– Точно, лучше жить в прошлом, перечеркивая самой себе возможность быть счастливой в будущем? – парировал Павел. – Я не хочу думать о том хорошем, что с нами было, потому что мы больше никогда не будем вместе. Надо отвыкать. Посмотри в окошко: снежок, ноябрь. В прошлом году мы с ней лежали рядышком, и за окном был тот же снег и тот же месяц. А знаешь, как нелегко ходить одному там, где мы гуляли вдвоем? Так что да: иной раз лучше не вспоминать. И знаешь, такое странное состояние... Ходить по тем местам, где мы вместе гуляли, – вот ты тут есть, а ее рядом нет. Или едешь в метро по привычной ветке, а потом раз – и совсем в другую сторону. Конец отношений – это маленькая смерть. И когда начинаешь сравнивать в новой для себя ситуации то, как было и как стало, то понимаешь, каким ты был мудаком и как тебе было хорошо.

– Я понимаю тебя.

– Спасибо. Теперь дослушай, к чему я клоню. В свое время я думал, что нельзя требовать от человека больше, чем даешь сам. А теперь я думаю, что требовать чего бы то ни бы-

ло – именно в отношениях – это вообще бред. Кто-то недостаточно старается, кто-то вообще ничего не делает, а кто-то ищет повода, чтобы сбежать. Твой муж точно так же был не готов к произошедшему, как и ты. Может быть, поэтому и ушел?

– Он оставил меня одну!

– Мы все одиноки!

– Нет...

– Серьезно? Что-то мне подсказывает, что именно из-за одиночества мы сейчас и болтаем. Иначе все намного прозаичней и мы зря потратили время.

– И вообще-то сейчас мы говорим о тебе, – напомнила Кристина. – Так что не меняй тему.

– Мы расстались, и пора бы наконец признать, что прошлого уже не вернешь, а обвинять себя толку мало, хоть я и люблю это дело. И знаешь, кажется, я начинаю этому радоваться. Честно. Взять хотя бы сегодняшний день...

– Фу ты ну ты, опять начал подлизываться.

– Ничуть.

– Надеюсь. И спасибо тебе за то, что обнял. Это мило.

– Пожалуйста. И не бойся остаться одной. Хорошо, когда ты вместе с тем, кто тебя любит, но лучше, когда ты счастлив сам по себе, а не из-за кого-то. Сладких снов?

– Сладких снов. На этот раз точно.

Сложно сказать, как долго Павел не спал после этого замечательного разговора...

Он фантазировал, как могло бы быть, повстречай он ее в то время, когда она была замужем. Подумав, он решил, что тогда их дорожки бы разошлись и ему не на что было бы претендовать. «И, черт возьми, она ведь и правда была счастливой и уверенной в себе. Это видно и по ее позам на фотках, и по живой лучезарной улыбке. Можно ли вернуть ее озорной блеск глаз, интерес к жизни? Эх...»

* * *

И пока Павлу в голову лезли глубокие мысли, в голове хозяйки пребывали мыслишки несколько иного порядка. Пока жильцы квартиры № 25 общались каждый о своем, что позволяло отмахнуться от беспокойных мыслей о том, что они ежедневно находятся на грани, Алевтина Эдуардовна разглагольствовала о высоком под шум плазменного телевизора, транслирующего кабельное в HD:

– Честно говоря, как бы ни гналась Россия-матушка за модными трендами, все равно мы отстаем от просвещенного мира. Давным-давно понятно, что первые лица компаний если и спят на стороне, то не с секретаршами, а с другими – не менее перспективными, респектабельными и приятными людьми, – такими же, как они. А у нас откроешь похабный журнальчик с анекдотами – а там до сих пор шутят либо про Штирлица, либо про тупых бизнесменов, либо про политику.

– А тебя это что, задевает? Зачем тогда такую ерунду читать? – спросил ее супруг, повернувшись на другой бок. Оба лежали на роскошном диване, но ему он начал казаться неудобным. Ко всему привыкаешь, и все приедается. Уровень!

– Меня задевает? Хорошо подумал, нечего сказать. Это я тебе иллюстрирую свою гениальную мысль, – ответила жена, выключив телевизор. – Слушай, к чему я веду... Ну не модно это уже, замах не тот. А какой-нибудь замдиректора сейчас сидит и потрахивает секретаршу, считая, что добился в жизни успеха. Понимаешь мою печаль? Во всем мире уже совсем другая кухня. Но суть, скажу я тебе, не меняется: либо трахаешь ты, либо трахают тебя. Честные люди трахаются по любви. Успешные с себе подобными. Но только богатые могут трахать собственный народ, да и вообще кого угодно в свое удовольствие – потому что они не просто богаты, но вместе с этим и успешны, и честны.

– Давай и мы с тобой потрахаемся, – попробовал переломить ход разговора супруг.

Алевтина Эдуардовна вяло зевнула, игнорируя пристаивания мужа.

– Поздно уже, спать пора.

– Для секса никогда не поздно.

– Ладно, на, только не плачь, – распахнулась она, отвечая на его поцелуи.

Та ночь была одной из последних в жизни Алевтины Эду-

ардовны, когда можно чувствовать себя хозяйкой собственной жизни, и притом в безопасности. Будущее уже вторглось в ее жизнь, разбавляя буржуазное высокомерие собственными планами на судьбу предпринимательницы.

Глава 7

*зарыв воскресшего исуca
народ под строчкой реет ин пис
на гробовой доске добавил
на бис*

Порошок от Анатолия Баклагова

1

Две вещи должны были произойти, чтобы жизнь в квартире изменилась к лучшему. Ими были въезд Павла в эту самую квартиру, а затем неудачная попытка договориться с хозяйкой об уменьшении платы за свет. Так или иначе, вскоре Павел понял, что идеально вписывается в коллектив. Дом, казалось, ждал его появления. Короче говоря, несмотря на то, что настроение после расставания с девушкой у Паши было ниже среднего – поднять его не помогали ни выпивка, ни прогулки, ни крепкий сон, – он начал привыкать к жизни на новом месте. Среди людей, совершенно ему чуждых, он вдруг понял, что способен с ними уживаться, что они не такие уж и плохие, глупые люди третьего сорта, за которых он принимал их почти три месяца.

– Пообщавшись с ними, он понял, что несчастлив не из-

за людей вокруг, а из-за самого себя. Остальные только усугубляли его положение или, напротив, усиливали радость от жизни, — пояснил преподаватель, осушив очередную порцию алкоголя.

Всю свою жизнь, пусть она была у него небольшой, Паша боролся с реальностью: все старался что-то доказать остальным, влезть не в свое дело, да и вообще, могло показаться, был белой вороной. Но или расставание и разлад в семье наложили свой отпечаток, или он понял, что оказался около той невидимой и осязаемой черты, переступив которую не будет дороги назад, но Павел решил, что может стать лучше, чем есть.

Тяжелей всего было думать, что дома его не ждут, понимать, что отношения с некогда любимым человеком исчерпали себя, хоть и не без его вины. В нем жила боль, которую он намеренно переваривал в одиночку.

И только единственный раз Алина увидела на его лице всю грусть и печаль, какую только возможно увидеть, когда молодой человек возвращал ей молоток, который брал, чтобы повесить на гвоздь картину. Девушка отчего-то ласково погладила его по голове. «Что с тобой?» — спросила она, на что он ответил ей сухим и холодным голосом: «Спасибо за молоток» — и, отстранившись, ушел к себе в комнату. Никто так и не узнал, что он в тот вечер немало поплакал.

А наутро, по дороге на работу, да и вообще весь день, его сопровождала череда приятных мелочей. И тут-то Паша по-

нял, что нет смысла тосковать по тому, что прошло. Несмотря на боль в ноге, которая день ото дня становилась сильнее, но в то же время пока что оставалась терпимой, он продолжал возвращаться к жизни, и во многом помогла ему с этим Кристина.

2

Он помнил, как в конце ноября ему остро захотелось побыть одному и погулять по Санкт-Петербургу. И вот парень вышел на улицу в последний день ноября. Ходил по родному городу, казалось бы, без всякой цели, рандомно. Вот он у Петропавловской крепости, а вот Смоленское лютеранское кладбище на Васильевском острове.

Павел любил «Ваську» – много старых домов, глядя на которые он отправлялся на корабле своего воображения в далекое прошлое города либо вспоминал страшилки, которые читал или слышал от товарищей еще в детстве, – простые, незамысловатые, но самое главное – пугающие.

В пасмурные деньки, вне зависимости от времени года, Васильевский остров был безысходно мрачен. Задуманный как часть Северной Венеции, он превратился в один большой шрам на теле Петербурга. Во всяком случае, так казалось Павлу, когда ему приходилось бывать в этой части города, даже если погода оставляла желать лучшего.

Например, он помнил, как чуть не умер со страху, ко-

гда работал промоутером. Да, вроде бы чего тут сложного – Большой проспект, Средний проспект, Малый проспект Васильевского острова, и дальше всего лишь линии Васильевского острова – каналы, которые, по задумке Петра Великого, должны были быть заполненными водой. Но к черту Петра, – Васильевский остров известен тем, что в нем невозможно заблудиться. Ходи себе да листовки раздавай.

Павел считал иначе...

Ну и натерпелся он тогда, шагая наугад в сильнейший дождь! Мало того что он тогда промок с головы до ног, да еще и транспорт не ходил. Может, все дело было в его впечатлительности – ведь тогда он был всего-навсего четырнадцатилетним подростком, но Господь свидетель – в тот раз Паша не просто потерялся, он затерялся среди линий Васильевского острова, как теряется из виду какой-нибудь инструмент, затаившись за грядкой на бабушкином огороде.

Тот случай был знаменателен для мальчишки еще и тем, что он опоздал с доставкой документов. Ну и огреб же он тогда, что называется, по полной! И все-таки с тех пор, как это ни странно, Васильевский остров будто бы заколдовал его своим флером готичности. К тому же Паша был не прочь пройтись в прекрасный летний денек самых длинных в году каникул через весь остров, по мосту Лейтенанта Шмидта – напрямиком к Марсову полю, Эрмитажу или к Исаакиевскому собору – в Питере всегда есть что посмотреть.

Если Васильевский остров прельщал тем, что был спосо-

бен пощекотать его нервы – это заставляло задуматься, а не взаправду ли произошла история, рассказанная Пушкиным в «Уединенном домике на Васильевском», то Петроградку он любил по другой причине.

Достаточно было пройтись от метро «Петроградская» до «Горьковской», чтобы ощутить себя Алисой, осматривающей жилой квартал в Стране чудес. Истинно, если «Васька» с его церквями, путаными узкими улочками и кладбищами был для Павла обителью всего готического, то Петроградка с ее красивенькими, будто бы сказочными домиками-дворцами была пристанью для всего, с чем он связывал сюрреализм.

Сходства со страной, в которую попала Алиса, проникнув в кроличью нору, добавляли не только дома, напоминающие своим радужным видом съедобные фигурки на праздничном торте, но и хотя бы сквер Дмитрия Лихачева, войдя в который можно увидеть скульптурную композицию, выполненную в стене дома: какая-то православная икона, следом за ней лицо Даниила Хармса (горло которого, как слышал Павел, бредит бритвою), вписанное в восклицательный знак; после чего следует множество лиц Сальвадора Дали (не выражающих ничего хорошего); затем – Шостакович среди своих нот (похожий в очках, впрочем, на Элвиса Пресли) и, наконец, Дмитрий Лихачев, задумчиво вззирающий на тебя из стены дома.

Миновав этот интересный сквер, шагая по прямой минут

пятнадцать или около того, можно оказаться внутри Петропавловской крепости. А там... забраться на одну из ее стен и, неторопливо по ней проходя (впрочем, как же тут потопишься, когда нога отваливается), смотреть на панораму Санкт Петербурга.

Слушая экскурсовода, Павел приходил к выводу, что, может быть, Алевтина Эдуардовна не такая уж и ужасная женщина, – в свое время Меншиков и компания неплохо наводились, а все равно Петр I любил своего товарища.

– Может быть, по ходу истории меняются лишь ее действующие лица? – размышлял Павел. – И если триста с гаком лет назад «Парадиз» на костях ценой боли, крови и пота воздвигли те же самые чиновники и олигархи (только назывались они иначе), то пора смириться и успокоиться? Что тут говорить – любая современность стареет. Когда-нибудь и это все покроется пылью, забудется в кладовке. Ценность превращается в хлам. То, что для одного – золото, для другого грубая подделка.

Желая наказать себя за свои крамольные мысли, которые он – вот богохульство! – высказал вслух, Павел решил сделать крюк и от «Горьковской» пройти пешком до «Спортивной».

Честно говоря, политика его интересовала в последнюю очередь – в тот долгий день, проводимый на свежем воздухе, он гулял, не обращая внимания на жителей культурной столицы. Эти, как истинные петербуржцы, просто обязаны не

падать в грязь лицом, а если же кто из прохожих спотыкался и падал, то они мигом помогали подняться. Уровень культуры здесь был нереально высок – то тут то там Павлу слышалось: «простите, пожалуйста», «господа хорошие, пропустите великодушно» или даже «сударыня, извольте, я возьму вас за руку и переведу через дорогу – вижу, что вы слепы», и прочее, прочее, прочее.

Вот уж куда ни глянь – Петербург был для Павлика в тот день образцом порядочности, добра и красоты. «Парадиз» Петра Великого действительно был раем, функционирующим исключительно по всем законам добра и красоты.

Какой Зощенко со своей сатирой на советскую жизнь и ментальность?! Какой Достоевский, специализирующийся на психологичной «чернухе»? В топку их книжки – мир прекрасен.

Настолько, что Павлу хотелось поскорее выйти из нескончаемой эйфории, и поэтому весь день он молчал и ни с кем не заводил светских бесед и околонучных споров – просто шел и думал о России, слушая музыку через наушники, подключенные к телефону.

Так он и шел – в обычный осенний день, который заговорщически прятал свою подружку-зиму, как девицу, которую стеснялся показать вошедшим так не вовремя в его комнату родителям. Но за занавесью кружившихся в серости золотых листьев, мученически затоптанных прохожими в грязь, и за блестящем желтизной солнцем на небе все равно виднелись

очертания холодной женщины, которая, подобно проститутке, отстраненно сделает дело, возьмет свое и уйдет, оставив после себя разочарование.

Вместе с тем с уходом зимы придет весна. И может быть, тогда...

Павел улыбался, глядя на взъерошенную стайку голодных голубей, пикирующих на бабу, которая, разинув беззубый рот от праведного удовольствия, кидала наземь кусочки прошлогодней буханки хлеба.

Будто бы вторя его улыбке, огнем в груди отзывалось сердце. И он, и оно – оба связывали радостные надежды с появлением в их жизни Кристины. «Все бы ничего, все можно вынести. Лишь бы нога не болела», – думал он, неожиданно для себя отметив, что оказался совсем рядом с митингующими за «социальную справедливость» людьми.

Судя по всему, после событий на Болотной площади выражать свое недовольство существующим порядком в стране стало так же модно, как бухать и жаловаться на свою негодную ни к чему хорошему жизнь. Молодой человек устал замечать, что народ обвыкся каждые новые выборы рассусоливать, какие они грязные.

Павел, оставаясь в стороне, с интересом смотрел на толпу. Состоящая в основном из нескольких сотен людей в возрасте от двадцати до шестидесяти лет, она была бы заурядна и посредственна, если бы не придурковатая кучка молодых ребят, горлопанящих что есть силы «Кто здесь власть?! Мы

здесь власть!».

Пожилой народ со все большим воодушевлением вторил молодежи, повторяя этот лозунг, как мантру. Все смешалось. Павлу казалось, что среди митингующих были все кому не лень: фраера, бывшие военные, зевающие девушки, неформалы и крестящиеся в немом экстазе бабушки. Все они, все как один, хотели социальной справедливости. Объединенные ненавистью к Путину и «Единой России», эти митингующие бастовщики (или бастующие митинговщики), забыли и думать, что справедливость у каждого своя.

Всю эту вереницу политически активных граждан сопровождало несколько рядов ОМОНа и полиции, которую с брызжущими во все стороны слюнями вожделения спешили сфотографировать журналисты из провокационных интернет-газетенков. В какой-то момент все это даже понравилось нашему герою.

Но он громадным усилием воли отказался от участия в этом протестном шабаше.

До метро дошел без приключений, и никто так и не узнал, что случилось с бабушкой, решившей покормить голубей. Равно как и с той процессией, которая шла стройными рядами, дабы высечь огнем и мечом недовольства искру справедливого светлого будущего в умах тех, кому и так живется неплохо.

Кристина... То, что он чувствовал к ней, было для него таким новым, таким свежим, таким радостным, что у него не находилось слов для выражения собственных чувств.

Рядом с ней ему действительно хотелось жить, а не проживать жизнь (отстойное существование парень в расчет не брал, понимая, что себя надо уважать, и памятуя, что не место красит человека, а человек место).

Если бы он был писателем, пожалуй, Кристина стала бы его вдохновительницей. Он вспоминал с улыбкой счастливые солнечные дни, когда он впервые увидел эту девушку и сдуру окрестил ее Одноножкой. Тогда захотелось втайне сравнить все ее ранимое существо с расстроенной гитарой.

Если бы он был музыкантом, то – Павел твердо знал это – ему бы хотелось играть только на этой гитаре. Но говорить и хотеть можно все что угодно, а кроме того – все, что происходило вокруг него в этом доме на Вознесенском проспекте, позволяло острее почувствовать необратимость жизни. Да, жизнь необратима, и поэтому остается уважать то, что было, и ценить то, что есть.

Иными словами, Павел не верил в «если бы», но хотя бы старался наладить струны Кристины.

Сам того поначалу не замечая, он срастался с этим бытом, с этим петербургским домом, с этими соседями и этой ком-

натой. Если у этого здания и была некая мистическая темная сторона, то она ему пока еще была недоступна, и слава богу.

Прижившись здесь, он ощутил себя рыбой, плавающей в водах родного озера: постепенно он начал общаться с людьми для себя неприемлемыми и иначе устроенными (во всяком случае, такими они ему казались в первые дни).

При ближайшем знакомстве с ними он понял, что они не так уж плохи, и каждый тут – со своими проблемами, странностями, замашками и достоинствами. А у кого их нет?

И как только он начал узнавать их ближе с живостью любопытного ребенка, берущегося за интересное дело впервые, они перестали быть для него статичными марионетками, эдакими идиотами априори.

Впрочем, не следует полагать, что все в те дни было радужно до невозможности – нет. И как бы он ни подружился с соседями, а все равно люди – это ровно те, кто они есть. Поэтому, как ни крути, а людской идиотизм из жильцов двадцать пятой квартиры никуда не девался. Изменилась лишь его точка зрения на их способность альтернативно мыслить.

Например, Вика по-прежнему визжала как обезьяна и беспощадно жарила свою вонизменную рыбешку – удмуртка, она и в Питере чукча, – но теперь он относился к этому гораздо спокойнее и даже дипломатичнее.

Так, когда Вика попросила его и Кристину вести себя потише на ночь глядя, он в свою очередь попросил ее вести себя вежливей с Кристиной.

– Но ведь она громко прыгает, будит мне дочку!

– Знаете, я бы не пожелал ни вам, ни вашей дочери оказаться на месте этой девушки. И если вы не готовы уступать своим соседям, то не ждите, что они уступят вам. Ни один коллектив не любит игру в одни ворота, если вы понимаете, о чем я.

Да, соседи соседями, но в центре его внимания была Кристина. И он был готов гласно или негласно встать на ее защиту.

4

А был день, когда вся молодежь: он, Кристина и Ал инка с Маринкой – вот так романтично и спонтанно взяли да пошли поиграть в боулинг.

Понятное дело, Кристина упрячилась, страшно волнуясь, говорила, что по нынешним временам она плохо играет, и все такое прочее, но Павел ее поддерживал до тех пор, пока она не выбила страйк, а там, когда это произошло и девушку все похвалили, она совершенно раскрепостилась и продолжила играть, забыв о своей физической инакости.

– Так что никогда больше не говори мне, что ты теперь чего-то не можешь. Ты любила боулинг тогда, и тебе никто не мешает играть в него и теперь, – сказал он ей после сочного и свежего, как снег в морозную рождественскую ночь, поцелуя. Его он помнил до конца своих дней.

«Боже, — думал он, — если это не любовь, тогда я не знаю, что она есть вообще такое. Все же она окрыляет, не любит ни зависти, ни жадности, но почему ее так легко потерять? Разве не жестоко придумано — любить до определенного срока, а потом что, ненависть, грусть о былом и смерть? Нет уж, будьте-здрасьте, я отказываюсь в это верить. И будь добр обеспечить нам с Кристинкой номер люкс на небесах».

Относился ли он к этим своим мыслям серьезно? Да, до безумия. Были ли они своеобразным вызовом небесам? Вполне. Имел ли весь этот бред смысл? Для него — да, а остальное было неважным.

Если же отставить в сторонку весь этот романтизм, то можно сказать, что и он, и она боялись как потерять друг друга, так и обсудить их отношения.

Проще было жить, плывя по течению, и верить, что и дальше все будет хорошо. В то же время оба предчувствовали, что подобная метода эффективна лишь на определенный период. Оба знали, наученные горьким опытом, что эта светлая полоса вскоре просто обязана вновь смениться не просто на темную, а на крошечную-черную. И там — дай того Бог, чтобы выплыть со дна на свет.

Тревожный звоночек прозвенел, быть может, еще в тот день, казавшийся ему ныне далеким, когда он подвернул ногу, вылезая из ванны.

— Ты чего такой? Сходи лучше в травму, — советовала Кристина.

– Погоди, само пройдет. Если бы был перелом, то я бы не смог передвигаться.

– Твои страдания никому, кроме тебя, не нужны, Паш, зачем ты так?

Паша на это не нашел что сказать, а вернее, рискуя быть непонятым, скрыл правду. Ответ на вопрос дорогой ему девушки состоял в том, что боль в ноге была ему нужна, чтобы на собственном опыте попытаться пережить, каково это для Кристины – быть без ноги.

– Ну ты же знаешь мужиков, как в том анекдоте про грязь на сапоге поручика Ржевского: «А это, сударь, говно-с, само отвалитса-с». Так и мы, ждем, когда все само заживет.

– Слушай, обещай, что если станет невмоготу, то ты отправишься в травмпункт. Иначе, поверь, мы с тобой... будем только соседи.

– Хорошо.

Будь Павел человеком разумным, он, пожалуй, сходил бы на рентген еще тогда, когда был в больнице со своими почками. Но тогда ему было не до того.

Теперь же, спустя без малого пару недель, он понял, что промедление опасно если не для его жизни, то для ноги – точно.

Глава 8

*Разбитое сердце страшнее разбитого тела.
Из фильма «Моя левая нога»*

1

Алевтина Эдуардовна никогда не была суеверной и слабой женщиной. Она не любила все эти дешевые гороскопы, предсказания и прочее, чем захламляли народу мозги сплошь и рядом. Точно так же она не любила избитые фразочки и речевые штампы типа «Утро добрым не бывает». Хотя, будьте уверены, за свою жизнь она повидала многое.

– При таком подходе, – говорила она – можно вообще ничего не делать. Проснулся? Одевайся и пошел на кладбище.

Утро, когда Павел решил-таки позаботиться о себе и пойти на рентген, чтобы сделать снимок и посмотреть, что вообще такое с его ногой, было для хозяйки действительно недобрым.

Она проснулась на несколько часов раньше обычного из-за ночного кошмара и пребывала в глубоком ужасе от того, что прикоснулась к чему-то необъяснимому. Хозяйка по опыту знала, что если заняться делом, то дурным мыслям не найдется места в голове. Отказываясь испытывать к себе

непонятную жалость, после полудня женщина отправилась в двадцать пятую квартиру – нужно было уладить оставшиеся вопросы с квитанциями по оплате коммунальных услуг.

На сей раз воспоминания о дурном сне не выветрились. Все стало только хуже... А когда не увенчалась успехом и попытка убедить себя, что это всего лишь сон, Алевтина Эдуардовна позвонила дочери.

– Привет. Я хочу с тобой поговорить, – начала она, как только вернулась домой.

– Что-то случилось? – Для Ани фраза: «Я хочу с тобой поговорить» была сигналом тревоги. Стоило произнести эти слова, и ей начинало казаться, будто ракеты в «летающую тарелку» НЛО уже пущены и инопланетянам нужно экстренно ретироваться обратно в недра космоса. Вопит сирена, кабина корабля озаряется оранжевым светом, а пилоты лихорадочно дают обратный ход, чтобы уйти от ракеты.

– Да вроде ничего, но, по-моему, все-таки да, – ответила мама, не понимая, куда делась ее железная принципиальность и жесткая убежденность в собственной правоте.

– Мама, что ты хочешь сказать? Я просто могу вечером подъехать, чтобы мы поговорили спокойно.

– Нет-нет, не надо. Просто слушай. Если ты умная и красивая, при этом добилась всего сама, то, конечно, ты будешь злиться на тех, кому все досталось обманом, на халяву или просто так. Ведь я все могу сама, а значит, я лучше. Но если твои бабушки жили в страхе, который передался мне бук-

важно с молоком матери, то перестройка научила меня добиваться своего любой ценой, чтобы выжить. Это сейчас мы с папой думаем, что надо было не лезть в общественные дела и в недвижку, а зарабатывать, продавая компьютеры, но пойми: идея была в том, чтобы жилье для таких, как все эти ребята, было доступным.

– К чему ты оправдываешься сейчас? Я все равно тебя люблю. И, если честно, мне не очень удобно говорить сейчас...

– Короче, мы с твоим папой хотели и пытались вести бизнес честно, но в России рука руку моет. Анют, тебе сейчас это будет непонятно, но я должна успеть рассказать тебе, что у меня на душе. Не перебивай. Я сама не до конца понимаю, что испытываю последние недели, но я чувствую, что для меня скоро все закончится, и это будет расплатой за все зло, что я натворила.

– Мам... Я и слышу... – Пока Аня пыталась попасть в паузу, в ее воображении крутились картины того, как Алевтина Эдуардовна попадает в тюрьму. Может быть, ушлый журналист напишет об этом в своей газетенке, якобы для народа, а на самом деле – ради собственной минуты сомнительной славы. Это будет громкая статейка, что-нибудь вроде: «Резиновые метры – чиновники набивают свои карманы». «Я просто предоставляю людям жилье, – говорит преступница».

– Я не верю в Бога, и не важно, верим мы с тобой в судьбу или нет, но то, что *должно* произойти, *обязательно* случит-

ся. Понравится мне то, что произойдет, – дело десятое. Трагедия в том, что даже при моем желании измениться жизнь не всегда спросит моего мнения.

– Мам, что, по-твоему, должно произойти? – спросила ее взволнованная дочь, искренне не понимая, что за бред несет ее мама. – Тебя собираются посадить?

– Ох, что ты, нет... Просто я тут столкнулась с Кристиной, о которой мы с тобой спорили, потому что... ну, это сложно объяснить, но я просто очень удивилась тому, что...

– Мам, я тебя не понимаю.

– Понимаешь, на днях мне приснилось, что из-за меня упадет с лестницы твоя любимая Кристина. Так сегодня и произошло.

– погоди, ты насчет платежей за воду туда поехала сегодня, верно ты мне говорила? – решила проверить себя дочка.

– Все так. Вот такое хреновое начало дня, – сокрушенно подвела итог хозяйка.

– Да ладно тебе, а потом?

– Я не знала, что думать, и, желая извиниться, не стала брать с девочки и ее соседа денег за воду – позвонила ей потом и мы договорились.

– Ну и хорошо... В чем проблема? Ты же извинилась.

– А вот в чем. Этой ночью мне приснился гнетущий кошмар, что я под Новый год зачем-то иду в эту проклятую двадцать пятую квартиру, рядом охранники, все как всегда, но чувство, что если я открою дверь и войду внутрь, то обрат-

ного пути уже и не будет.

– Мама! – попыталась остановить ее дочь.

– Что?

– Это может быть правдой, а может и не быть. Давай ты просто отдохнешь немного и перестанешь делать акцент на деньгах.

– Ага, ты считаешь меня дурой?

– Нет, я считаю, что тебе себя не жалко. Ты устала, делаешь дела, а их меньше не становится. Ты не можешь помочь всем. А сны – это просто сны. Как по мне, так лучше верить в Деда Мороза, чем в такое. Ой, ну все, пока, у меня тут Герман в холодильник залез.

И пока маленький внук Алевтины Эдуардовны исследовал мамин холодильник изнутри, а сама хозяйка пыталась привести себя в порядок после первой за всю жизнь попытки исповедаться, Паша ковылял к метро «Садовая» в супермаркет и пытался отвязаться от необычного собеседника:

– Все хорошо, братишка! Держись, партизан! – говорил ему чумазый ветеран трэша и угара, подбадривающе вознося свой сжатый кулак вверх, к серому небу.

– Неужели достаточно моей хромоты и боли в коленях, чтобы ты принял меня за своего? – Брезгливо, но не без улыбки спросил Павел мужика лет пятидесяти, который выглядел так, словно только что вышел из кочегарки.

– Командир, нет чужих на свете, – ответил ему кочегар и, сплюнув под ноги, начал искать своими внимательными

глазами добродушного прохожего.

Павел хромает дальше и видит в конце следующего дома попрошайничающую согбенную старушку. В руках у нее был одноразовый пластиковый стаканчик. К обеду, по всей видимости, желательно, чтобы он был заполнен деньгами доверху. И тогда уже точно будет не важно, наполовину этот стакан пуст или он, напротив, наполовину полон.

Вообще говоря, Паша не любил таких людей, как эта бабка. Собственно, такие как она, пожалуй, и вылепили в его сознании образ ужасного инвалида – того, который каждый раз, как впервые, причем по неизменно грустным и трагическим поводам («Помогите, умерла мама», «Добавьте псу на еду», «Болеет ребенок» и пр.) ходит по вагонам электричек и собирает копейки. Причем делает это так, чтобы ты не проходил мимо и поучаствовал в его жизни.

Расчет у таких страждущих бродяг и отщепенцев, по Павлу, был прост до гениального: если ты прошел мимо, не дав ни копеечки, то взял грех на душу (страна-то православная, пропитанная христианской моралью), а уж ежели денег дал, то сделал доброе дело.

Как в таких случаях выходил из положения Павлик? Опытным путем: «Собираешь на еду? На вот тогда пирожок». Не сложно догадаться, что дальше представители бомж-сообщества воротили нос от столь желательной пищи.

В итоге большинству просящих от Паши доставалась не блестящая кругляшка номиналом в пять рублей, а какой-ни-

будь фантик из-под шоколадки. Цинично? Простите!

Логика, которая тут скрывалась, была железной: если ты стоишь на улице за мелочевкой каждый день, значит, для тебя это своего рода способ заработка – работа, а не необходимость. Что ж, можно взять ноги в руки, привести себя в порядок и пойти торговать в ларьке, разве нет?

Павел неуклонно приближался к бабушке. Бабушка изнуренной годами трудной жизни походкой брела ему навстречу. И когда он уже собирался метафорически плюнуть ей в рожу – пройти мимо, – заметил, что она протянула ему горсточку десятирублевых монет.

Но как?! Наш циник годами думал о людях ее уровня хуже, чем о червях, а тут...

– Да нет, бабушка... Оставьте себе, – захлебываясь в своем стыде, словно виноватый школяр-переросток, ответил на ее жест доброй воли молодой человек.

Стараясь не смотреть ей в глаза, он пошел прямо, ускорив шаг и тем самым усилив свою боль настолько, что его лоб покрылся испариной.

Эта, казалось бы, заурядная встреча красной нитью связала между собой бусинки всех последующих событий. На протяжении всего оставшегося дня у парня не укладывалось в голове, каким образом за один короткий путь из точки А в точку Б его миропонимание может если не перевернуться вверх дном, то существенно пошатнуться.

Когда молодой человек был физически здоровым, он добирался до метро минут за пятнадцать. Нынче обстоятельства немного изменились, и теперь ему приходилось тратить на свой путь вдвое больше.

«Какая странная штука это здоровье: пока можешь бегать и прыгать, воспринимаешь его как данность, а когда его нет, то начинаешь надеяться на врача, как на Бога», – думал Павел, минуя в который раз Юсуповский сад. Парень не заметил, как город накрыла зимняя темнота и пошел мокрый снег с дождем. Исторические места, прежде воодушевляющие, теперь напоминали ему кладбище.

Ощувив на спине холодок, вызванный отнюдь не ветром, Павел насколько мог ускорил шаг и страшно обрадовался, когда мрачная ограда Юсуповского сада осталась позади.

В несколько минут промочив ноги, Павел подумал, что сегодня не тот день, когда от прогулки можно получить удовольствие.

– Бедная Кристина... – сказал себе Паша, наблюдая, как желтые фары автомобилей разрезают потоки дождя. Хлюпая ногами по тротуару, молодой человек вспоминал, как пару дней назад, когда он ехал на работу, в вагоне метро стоял инвалид с костылем, который он тихонько прибрал, чтобы не мешать остальным.

Он был, как показалось Павлу, примерно одного с ним возраста. Посторонившись у выхода из вагона, инвалид ждал своей остановки. На очередной станции в поезд вошла орава старух. Павел помнил, как одна из них – специально или нет – сильно толкнула парня, а когда тот угрожающе махнул ей костылем, она живенько извинилась.

– То есть, если бы у него не было палки, то толкаться было бы можно? Типа, раз здоров? – спросил Павел старуху, не сумев скрыть раздражения, вызванного болью в своей ноге и помноженного на боль инвалида, стоявшего рядом с ним.

Бабка не нашлась, что сказать, и, похлопав ушами, пробралась внутрь вагона, который ее с радостью поглотил. Так Павел шел к магазину и думал, отчего так сложилось, что его бесят все – старики, ветераны, инвалиды и кавказцы? Как ни странно, его попытка понять Кристину через самоистязание увенчалась успехом.

Побывав так близко, как мог, в ее шкуре, он осознал, что инвалид – не монстр, а просто такой же, как и все, который отчего-то вынужден быть иным. Приближаясь к магазину, Павел задавался вопросом: если допустить, что каждому бывает плохо, то сколько же могут вынести и перетерпеть люди с ограниченными возможностями?

Собственно, чем больше он общался с Кристиной, тем больше он открывал в ней страннейший для себя источник смирения и доброты – тот, который позволял ей, надломившись, все же не сломаться целиком и сохранить себя. И в ту

секунду, когда он, не найдя ответа на предыдущий вопрос, задавал себе следующий – почему тогда он, будучи здоровым, был гораздо хуже как человек, чем больная Кристина? – его окликнул парень лет двадцати в куртке с капюшоном и с диктофоном в руках.

Очередная парадоксальная ситуация органично вписалась в узор судьбы Павла.

– Чего тебе? – спросил Павлик. Юнец оказался студентом-журналистом из Москвы. Не думая дважды, студент попытался под дождем показать Павлу свой студенческий билет.

– Убери, давай отойдем под арку, – предложил он юнцу. Странно, но слова сами собой сходили с его губ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.